

Александр Филиппов

СКАЗКА БЕЗ ЧУДЕС

Роман

Александр Филиппов
Сказка без чудес. Роман

«Издательские решения»

Филиппов А. Г.

Сказка без чудес. Роман / А. Г. Филиппов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938033-3

Над Заповедным бором нависли грозные тучи. Региональные власти то пытаются организовать в реликтовом лесном массиве добычу нефти, то намериваются превратить памятник природы в Парк культуры и отдыха. На защиту существующего с времён Ледникового периода бора встают его древние обитатели, в которых читатель легко узнает фольклорные персонажи: Василису Премудрую, Лешего, Бабу ягу. Вот только кого считать нечистью — хранителей природы или тех, кто уничтожает её из корысти? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938033-3

© Филиппов А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
1	7
2	11
3	14
4	17
5	21
6	25
7	30
8	35
9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сказка без чудес

Роман

Александр Геннадьевич Филиппов

© Александр Геннадьевич Филиппов, 2018

ISBN 978-5-4493-8033-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог

Последнее Великое оледенение, сковавшее Евразийский континент в монолитную смёрзшуюся глыбу, около десяти тысяч лет назад, наконец, закончилось.

Нехотя, медленно, льды километровой толщины отступали.

Однако ещё тысячи лет спустя замороженная почва на их месте оставалась безжизненной и бесплодной. Только в самом верхнем, тончайшем её слое под тусклым в северных широтах, холодным солнцем, смогли хоть как-то существовать мхи да лишайники. Позднее над пластами вечной мерзлоты укоренились – таки карликовые растения – сосны, ели, берёзки, семена которых занесли сюда перелётные птицы. . .

Впрочем, вечная мерзлота оказалась тоже не вечной. И примерно шесть – семь тысяч лет назад на месте прогретой тундры, потянулись ввысь хвойные и смешанные леса.

Вслед за отступающими к Арктике холодами ушли, тяжело ступая и чавкая могучими лапами по нетвёрдой, раскисшей почве, мамонты, шерстистые носороги, бизоны, защищенные от свирепых морозов и шквальных ветров толстой меховой шубой.

На смену им пришла и стала заселять хвойные и лиственные леса, более приспособленная к потеплевшему климату живность – лоси, олени, стремительные косули, всеядные кабаны и, конечно же, волки.

В этих же, богатых зверем и птицей лесах, рыбой в полноводных реках, за много тысячелетий до нашей эры сошлись в противостоянии два вида человеческих особей – тех, кого позже учёные окрестили кроманьонцами и неандертальцами. Схлестнулись в беспощадной схватке за пищевые ресурсы, охотничьи угодья, за выживание.

Исход той битвы, длившейся несколько тысячелетий, теперь хорошо известен. Верх одержали кроманьонцы, ставшие нашими предками.

Однако никто, кроме учёных, выдвинувших спорную гипотезу, не знает, что в те доисторические времена на стыке Европы и Азии существовал ещё один вид человеческой особи. Разумный настолько, что сумел избежать противостояния и с неандертальцами, и с кроманьонцами. Остался, как принято выражаться сегодня, над схваткой.

Этот малочисленный вид человеческой особи затаился в дремучих лесах. И со стороны, без особого сочувствия к тем и другим, наблюдал за исходом смертельного поединка.

Климат на планете становился всё теплее, уже и хвойные леса отступили, освободив место лиственным, а ещё позже раздольной, богатой разнотравьем, степи.

Так случилось, что лишь у южных отрогов древних Уральских гор сохранился участок хвойного леса площадью в несколько десятков тысяч гектар.

Наши современники, очарованные этим островком лесной прохлады на огромных пространствах голой, продуваемой всеми ветрами степи, назвали его Заповедным Бором. Заселённым уникальной для пустынного ландшафта окрест флорой и фауной.

При этом по-прежнему никто не замечал обосновавшихся здесь реликтовых, как и сам бор, жителей.

Так, держась привычного ареала обитания, избегая тесных контактов с соседями, неприемный лесной народ дожил до наших дней. . .

1

Если вам перевалило за шестьдесят, то, ни о каких чудесных изменениях в жизни, свершениях мечтать уже не приходится. Дай, как говорится, бог сохранить хотя бы то, что есть, наработано долгими годами неустанного труда – авторитет, доброе имя, материальное благосостояние.

А если вы ещё и чиновник, достигший предельного для государственной службы возраста, то следует быть втройне осторожным и осмотрительным. Например, по пути на работу.

Глеб Сергеевич Дымокуров, чиновник областного правительства, должностью своей дорожил. И потому старался не упустить любой мелочи не только в исполнении своих функциональных обязанностей, но и в поведении, манере общения с окружающими.

Как, например, входят в здание Дома Советов, в котором на пяти этажах располагались кабинеты региональной исполнительной власти, молодые да ранние?

Летят, нередко припаздывая, не глядя по сторонам. Цокают каблучками по мощёной тротуарной плиткой площади, беззаботно вспархивая на облицованное бурым полированным гранитом парадное крыльцо. Рвут на себя за литую бронзовую ручку створку тяжёлой, в два человеческих роста высотой, двери, и проскальзывают внутрь, небрежно махнув на вахте перед носом дежурного полицейского удостоверением – пропуском.

Прежде всего, на службу Глеб Сергеевич являлся как минимум за полчаса до начала рабочего дня.

Даже вход в Дом Советов он превратил в этакую, усовершенствованную, отточенную с годами, мини-спецоперацию.

Ещё на дальних подступах к главному административному зданию края следовало внимательно осмотреться. Не крутить головой заголовно, это в его возрасте выглядело бы не солидно и подозрительно, словно он, как тайный агент, пытается «хвост» за собой обнаружить, а глянуть искоса, неприметно, зафиксировав, тем не менее, всё происходящее вокруг.

Не приближается ли одновременно с ним к заветному крыльцу кто-то из вышестоящих начальников? Если кто-то из них просматривается на горизонте, следует чуток притормозить, и рассчитать свою пешеходную скорость так, чтобы начальник оказался на крыльце, а следовательно, и у входной двери раньше тебя. Но не намного. А в аккурат настолько, чтобы, не выглядя навязчивым, попасться ему на глаза в сей ранний час, раскланяясь почтительно.

Если начальник – дама, то, как раз можно, успев обогнать её, галантно распахнут перед нею тяжёлую дверь.

Ещё на подходе к Дому Советов следовало обратить особое внимание на то, не стоит ли у парадного крыльца губернаторский джип. Если стоит, то, вполне вероятно, высшее должностное лицо региона, как всегда, спешащее по неотложным, государственной важности делам, выскочит вот-вот из-за двери. И столкновение с ним, крайне озабоченным, нос к носу, стало бы катастрофой.

Пару раз за годы долгой чиновничьей службы Глеба Сергеевича происходило такое. Один раз, ещё в советские времена, первый секретарь обкома, с которым Дымокуров лицом к лицу встретился при входе в двери, даже пожал ему руку.

И хотя тогда Глеб Сергеевич впал в состояние, близкое к обмороку, то рукопожатие помнит до малейших подробностей, будто случилось оно минуту назад. Вот так вот, у порога, он стоял, а в шаге от него, в дверном проёме, сам первый секретарь. И руку тот протянул первым, пожал крепко. Тряхнул даже – может, в знак особого расположения? Хотя вряд ли. Похоже, о существовании такого сотрудника аппарата, как Дымокуров, молодого в ту пору, всесильный секретарь обкома даже не подозревал.

С нынешним губернатором, Александром Борисовичем Кургановым, Глеб Сергеевич, было дело, в дверях тоже стакнулся. Зазевался, утратил бдительность на мгновение – и на тебе! Однако губернатор лишь сверкнул гневно очами на возникшее перед ним препятствие в виде невысокого, седовласого, толстенького человечка, и прошёл мимо, притиснув Дымокурова к косяку.

Глеб Сергеевич три дня не мог в себя прийти после той нечаянной встречи. Но всё обошлось. Спасло, судя по всему, то, что, как всегда, озабоченный проблемами области, её глава мигом забыл о существовании нерасторопного клерка.

Сегодня, тёплым солнечным утром середины июля, операция под кодовым названием «Вход в здание Дома Советов» прошла без сучка и задоринки. Джипа губернатора у крыльца, раскопчегаренного, на всех парах, не наблюдалось, и больших начальников у двери не встретилось. И вообще в ранний утренний час площадь перед резиденцией областного правительства оказалась на редкость безлюдной.

Однако это вовсе не значит, что вознесясь на скоростном лифте на четвёртый этаж, и, войдя в свой кабинет, Дымокуров расслабился.

Заняв один из трёх столов (два других предназначались для молодых сослуживцев, и, конечно же, за сорок минут до начала рабочего дня пустовали), Глеб Сергеевич первым делом включил компьютер.

При этом дверь кабинета он оставил распахнутой настежь. Чтобы проходящие по коридору такие же ранние пташки, особенно из числа вышестоящего руководства, видели: консультант информационно-аналитического отдела управления по внутренней политике аппарата губернатора и правительства Южно-Уральской области Дымокуров спозаранку находится на рабочем месте, так сказать, на боевом посту, и готов к исполнению своих должностных обязанностей.

Утвердившись в охнувшем под ним, словно поприветствовавшим его лёгким вздохом после недолгой разлуки мягком кожаном кресле, пока монитор компьютера мигал, загружая на экран содержимое своего таинственного нутра, Глеб Сергеевич открыл ежедневник и освежил в памяти план предстоящей работы на день.

В принципе, если ничего экстраординарного не случится, и от начальника отдела не поступит вводных, день обещал быть спокойным и не слишком загруженным.

До обеда, например, Дымокуров должен был подготовить текст поздравления, а на канцелярском языке – «памятный адрес» генеральному директору регионального филиала крупной всероссийской нефтяной компании Руслану Анатольевичу Шишмарёву.

На первый взгляд, ничего сложного. Тем более, что за три десятка лет службы в качестве «спичрайтера», Глеб Сергеевич подготовил сотни, да что там, наверняка тысячи таких «адресов».

Но то, что шёл этот документ за подписью самого губернатора, придавало предстоящему заданию особую важность.

Чиновник выдвинул нижний ящик письменного стола, извлёк оттуда толстенную, изрядно обшарпанную, картонную папку с надписью крупными буквами «Дело», завязанную шнурками с обмахрившимися от времени кончиками.

В этой папке были сложены копии «памятных адресов», подготовленных когда-то Дымокуровым, и одобренных высоким начальством, как говорится, на все случаи жизни. И по праздничным датам – к Новому году или Международному женскому дню, к примеру. И по юбилеям – организаций, учреждений, частных лиц, мужчин и женщин в отдельности. И по профессиям – врачам, учителям, военным, энергетикам и машиностроителям...

Некоторые образцы хранились со столь давней поры, что были отпечатаны ещё на пишущей машинке, через копирку, или откатаны на старинных, дававших смазанные и размытые копии, ротаторах.

Конечно, всё это, отсканировав, можно было бы хранить в компьютере, но Глеб Сергеевич не особо доверял электронике. Мигнёт что-то там, в железном ящике процессора с множеством проводов и контактов, замкнёт, или вирус какой проникнет – и прощай, труд целых десятилетий!

А папочка-то – вот она, всегда под рукой. Может быть, и Глеба Сергеевича переживёт, и перейдёт по наследству кому-нибудь из молодых коллег-оболтусов, если им удастся, как Дымокурову, пересидеть периодические смены высшего руководства, многочисленные реорганизации аппарата, если их не сдует ветром перемен, так характерных для российской политики...

Переворотив содержимое папки, Глеб Сергеевич отыскал два листочка. Один – поздравление с шестидесятилетним юбилеем канувшего в небытие директора крупного промышленного предприятия, другой – представителя нефтедобывающей отрасли.

Поглядывая в них, Дымокуров приступил к составлению текста.

Щелкая двумя указательными пальцами по клавиатуре компьютера, набрал бойко: «Уважаемый Руслан Анатольевич!».

Потом задумался на минуту. Пожалуй, «уважаемый» звучит в данном случае излишне казённо, официально. А ведь всем известно, что губернатора и гендиректора нефтяной компании связывают тесные личные отношения. Можно сказать, дружеские, если такое понятие, как «дружба», вообще применимо во взаимоотношениях региональных элит.

Глеб Сергеевич решительно удалил из текста «уважаемый», и впечатал сокровенное, уместное между друзьями: «дорогой».

Далее в шаблоне следовал такой пассаж: «Примите самые искренние и сердечные поздравления по случаю Вашего юбилея...»

Глеба Сергеевича не удовлетворила и эта строка. Он придумал фразе более тёплое звучание: «Горячо и сердечно поздравляю Вас...». Так выходило гораздо лучше.

Затем он целиком передрал из шаблона, ничего не меняя, целый абзац о нелёгком труде нефтяников, в стужу и зной добывающих из недр главное богатство страны – «чёрное золото», об огромном значении возглавляемой Шишмарёвым компании для бюджетов всех уровней, для каждого жителя славной Южно-Уральской области...

Если бы Глеб Сергеевич относился к работе без души, писал бы подобные тексты просто, «под копирку», он никогда бы не смог столько лет продержаться на своей должности.

К делу он подходил творчески, с учётом личности юбиляра, отношения к нему руководства регионом, и ещё массы тонких нюансов, в которых может разобраться лишь человек, проработавший много лет в органах государственной власти.

Ведь у каждого высшего должностного лица области был свой стиль, манера выразиться. И если один, к примеру, любил подпустить в публичных выступлениях чуток юморку, ценил весёлую шутку, то для другого требовались сухие, выхоленные, не терпящие ни единого живого словца, тексты.

И Дымокуров мог подстроиться, написать так, чтобы угодить каждому!

Вот и сейчас, отступив от шаблона, он вложил в уста губернатора такие проникновенные слова в адрес Шишмарёва: «Ваш богатый руководящий опыт, житейская мудрость, по достоинству оценены всеми жителями Южно-Уральской области...»

Нащёлкав на клавиатуре эту строчку, Глеб Сергеевич саркастически хмыкнул. Дело в том, что Шишмарёв был широко известен в области как раз таки необразованностью, хамством, и подчинённые считали своего шефа изрядным придурком...

В этот момент на столе Дымокурова по правую руку пронзительно зазвонил телефон – прямой, связывающий его с вице-губернатором, начальником управления по внутренней политике Надеждой Игоревной Барановской.

– Поздравительный адрес Шишмарёву готов? – не здороваясь, выпалила она.

Глеб Сергеевич поморщился от командного стиля общения начальницы, усвоенным ею от губернатора, имевшего плебейскую манеру «тыкать» всем подряд, невзирая на должность и положение в обществе. Ох уж эти провинциалы, вознесённые во власть не по профессиональным качествам, а благодаря неким невидимым потокам, вероятнее всего, денежным, и руководствовавшимся в кадровой политике исключительно принципом «свой-чужой».

Однако ответил максимально вежливо, с толикой подобострастия в голосе:

– Как раз работаю, Надежда Игоревна. Торжественное собрание состоится в четырнадцать часов, вполне успеваем...

– Собрание перенесено на одиннадцать, – рявкнула вице-губернатор. – Что бы через пять минут адрес был у меня на столе! – и брякнула трубкой об аппарат.

«Вот чёрт!» – выругался про себя Дымокуров. Если так, то времени действительно оставалось в обрез!

Дело в том, что составленный им текст ещё требовалось распечатать на принтере, затем отнести к корректорам, а уж после подать на подпись начальнику отдела. Заверив, тот отправлял его в канцелярию, где для таких случаев был приспособлен цветной принтер, печатавший «поздравилки» затейливым витиеватым шрифтом на специальной глянцева́й бумаге. Потом листок с красиво набранным текстом помещался в тесненную кожей папочку с золотым российским гербом на обложке. И в таком виде попадал в руки губернатора.

Однако сейчас, когда время поздравления Шишмарёва перенесли на более ранний час, соблюдать эту процедуру было некогда.

Глеб Сергеевич торопливо допечатал текст, завершив его стандартно, без затей: «Надеюсь, что профессиональные и человеческие качества Вашей незаурядной личности вкупе с высокопрофессиональными знаниями ещё долго будут служить на благо Отечества», быстро пробежал, вычитывая на предмет возможных орфографических ошибок и опечаток, с первой и до последней строки, распечатал на принтере, и помчался в приёмную Барановской.

2

Для чествования таких значимых, особо уважаемых персон, как главный нефтяник области Шишмарёв, или подобных ему, в Доме Советов существовал специальный, богато украшенный резной мебелью с позолотой, дорогими коврами на полу, вазами с искусственными цветами, начинённый новейшей электроникой Зал торжеств.

Загодя, перед процедурой поздравления, сотрудники орготдела выровняли, будто по ниточке, тяжёлые золочёные стулья, расставили на длинном, инкрустированном ценными породами дерева столе пластиковые таблички с фамилиями приглашённых, запотевшие бутылки с водой – в соответствии с духом времени, «Ессентуки» отечественного производителя, стаканы из гранёного горного хрусталя.

По давно сложившейся традиции на подобных мероприятиях надлежало присутствовать и Дымокурову. Конечно, с учётом ничтожности его должности, Глеб Сергеевич не упоминался в официальном списке гостей, именную табличку для него никогда не ставили. Место ему отводилось у входной двери, там, где размещались представители региональной прессы.

Вот и на этот раз, постаравшись неприметно проскользнуть в быстро заполнявшийся народом зал, Глеб Сергеевич привычно затесался в ряды журналистов, резко выделявшихся среди прочих участников торжества своим «вольнодумным» обликом – потёртыми джинсами, растянутыми футболками и расхристанными до пупа рубашками на выпуск ярких расцветок.

Дымокуров, облачённый в жаркий, застёгнутый на все пуговицы чёрный костюм, в душном галстуке, смотрелся в рядах тружеников пера чужеродно. Однако те давно знали его, и свыклись с присутствием пожилого спичрайтера в своём окружении.

Вообще-то, положив руку на сердце, следовало признать, что присутствие Глеба Сергеевича на подобных мероприятиях было вовсе не обязательным. Никакой ответственности за происходящее на него, как на чиновника, не возлагалось – организацией всяческих совещаний, заседаний, «круглых столов» занимались другие служащие. Но, как объяснил вышестоящему руководству ещё много лет назад бессменный спичрайтер, личное участие позволяло ему проникнуться духом происходящего, черпать вдохновение для составления текстов докладов и выступлений первого лица области из, скажем так, первоисточника.

Впрочем, отстояв, таким образом, своё право присутствовать на важнейших мероприятиях, проводимых администрацией области, Глеб Сергеевич немного слукавил. Никакого вдохновения из подобных тягомотных «посиделок» он давно не черпал. Если совсем уж честно, ему просто нравилось быть сопричастным таким вот образом ко всем важнейшим событиям, случавшимся в регионе. Это придавало некую значимость и высокий смысл его заурядной, в общем-то, жизни.

Зал торжеств довольно скоро наполнялся жаждавшими лично поздравить главу нефтяной компании. Входили, и рассаживались в соответствии с именными табличками на столе министры областного правительства, депутаты Законодательного собрания, общественные деятели – известные артисты, писатели, художники, и ещё многие, многие, стремившиеся засвидетельствовать своё почтение руководителю предприятия нефтяной отрасли, являющегося главным налогоплательщиком в региональный, вечно верставшийся с предельным дефицитом, бюджет.

Здоровались, приветливо улыбаясь друг другу, многие обнимались по-свойски... По таким случаям здесь действительно собирались исключительно «свои» – «чужих» в этот ближний губернаторский круг не пускали.

Наконец, все расселись за длинным п-образным столом, оставив в торце место для губернатора и виновника торжества.

Призванные увековечить волнительный момент журналисты выстроились в шеренгу возле своих телекамер, установленных на штативы-треножки, напротив, сразу за огромной корзиной с букетом, составленным из двухсот, не менее, белых, благоухающих роз.

Главный нефтяник появился в зале минута в минуту рука об руку с губернатором. У стола чуть замешкались – Шишмарёв энергично замотал головой, как бы отказываясь из скромности занимать столь почётное место, однако вынужден был подчиниться Курганову, который усадил его с мягким нажимом, дружески приобняв за плечи.

Сам губернатор остался стоять, с прищуром оглядывая сквозь «дальнозоркие» очки в тонкой оправе присутствующих. За спиной главы области в некотором отдалении застыли два помощника – один с букетом цветов, другой с папочкой, в которой, Глеб Сергеевич знал это точно, находился сочинённый им памятный адрес.

Было общеизвестно, что особым красноречием Курганов не отличался. В аппарате, оправдывая косноязычие своего шефа, даже придумали и запустили в общественный оборот соответствующую формулу – дескать, наш губернатор – человек не слова, а дела.

Тем не менее, нагрузка на отдел, в котором служил Глеб Сергеевич, с воцарением нового первого должностного лица области резко возросла. Не считая основательных докладов, например, по итогам развития области за год, приходилось строчить тексты выступлений на все случаи жизни – будь то открытие после капремонта детского садика, или заключительный тур смотра художественной самодеятельности сельских домов культуры. Однако Глеба Сергеевича и ценили за то, что тексты речей губернатора даже по самому пустячному поводу он составлял так, что придавал им высокий общегосударственный смысл.

Вот и на этот раз, взяв у помощника поданную в угодливом полупоклоне папочку, Курганов попытался симпрвизировать:

– Руслан... э-э... мнэ-э... Анатолевич! Сегодня мы собрались тут, чтобы поздравить тебя со значительным... то есть знаменательным, э-э... юбилеем. Который, э-э... стал вехой... вехой... – окончательно сбившись и махнув беспомощно рукой, губернатор скосил глаза на текст памятного адреса, и принялся шпарить по написанному. – Знаменательная дата, которую мы отмечаем сегодня – не личное дело нашего юбиляра. Это наш общий, всех жителей Южно-Уральской области, юбилей. Потому что именно на нашей земле шестьдесят лет назад в скромной крестьянской семье родился мальчик, наречённый именем Руслан. И как сказочный богатырь, он рос...

Глеб Сергеевич, не скрывая горделивой улыбки, с удовольствием слушал написанный собственноручно текст, звучащий теперь в устах губернатора, косился, наблюдая исподтишка, какое впечатление производят найденные им в тиши кабинета слова на окружающих.

По правде сказать, пассаж о «сказочном богатыре» он передрал из поздравления, написанного им в своё время для первого секретаря обкома КПСС Ильи Моисеевича Грановского, и хранившегося с тех пор в заветной папочке, но кто теперь, тридцать лет спустя, об этом вспомнит?

А Курганов между тем перешёл к перечислению значимых вех биографии юбиляра, его заслуг перед областью и страной.

Чтение поздравительного адреса несколько раз прерывалось аплодисментами. Вице-губернатор Барановская первой начинала хлопать в ладоши, подавая тем самым сигнал остальным участникам торжества – не без умысла, с тем, чтобы глава региона успел перевести дыхание после воспроизведённой им длинной хвалебной тирады.

Дождавшись окончания очередной порции дружных хлопков, губернатор, поправив очки, выдал с выражением:

– Ваш богатый руководящий опыт, житейская мудрость по достоинству оценены всеми жителями Южно-Уральской области. Хотя подчинённые считают Вас, своего шефа изрядным придурком...

Шишмарёв, не веря своим ушам, поднял брови, просипел яростно, багровея лицом:
– Что-о?!

– Что? – удивился в унисон ему губернатор.

Поняв, что сказал что-то не то, Курганов, внимательно взглядываясь в текст, громко повторил последнюю фразу – вроде бы для себя, а получилось – всем:

– «Хотя подчинённые считают вас, своего шефа, изрядным придурком...» – а потом оглянулся по сторонам, произнёс растерянно, ткнув указательным пальцем в памятный адрес. – У меня так написано...

Наступила мёртвая тишина. Чествование юбиляра грозило перерасти в грандиозный скандал.

Ситуацию спасла Барановская. Вскочив со своего места, она подлетела к Шишмарёву с букетом цветов, и воскликнула, обращаясь к губернатору:

– Зачем, Александр Борисович, эти казённые речи, памятные адреса, и прочая словесная дребедень! Давайте просто покажем, как все мы любим нашего Руслана Анатольевича!

И, сунув ошеломлённому нефтянику цветы, обняла его, прижавшись всем телом, звонко поцеловала в губы.

Присутствующие зааплодировали радостно, затем, согласно всё тому же ранжиру, принялись вставать из-за стола, подходить к юбиляру, вручая букеты, перевязанные ленточками с бантами коробочки и коробки с подарками, которые тут же подхватывали и уносили люди из свиты нефтяника.

Дымокуров всё это время пребывал в обморочном состоянии. Как?! Почему?! Недогадел?! Понятно, что виной всему – спешка, в которой готовился памятный адрес. В тот момент, когда он, хмыкнув, вспомнил о подчинённых, за глаза называвших своего шефа придурком, позвонила Барановская. И Глеб Сергеевич, слушая её, механически напечатал, внёс свои крамольные мысли в текст поздравления. А потом, вычитав второпях, через пень-колоду, отнёс «поздравилку» в приёмную вице-губернатора. Та, судя по всему, памятный адрес тоже не удосужилась прочитать...

Тем временем досадный инцидент был забыт, чествование юбиляра в Зале торжеств пошло своим чередом...

Однако Глеб Сергеевич, как старый аппаратчик, отчётливо понимал: такие проколы виновным в них не прощаются...

3

Его чиновничья карьера закончилась. Причём закончилась бесславно. Без торжественных проводов, прочувственных прощальных речей руководства и сослуживцев, без традиционного подарка уходящим на пенсию – электрического самовара и набора мельхиоровых подстаканников с чайными ложечками того же металла. И, конечно же, памятного адреса с признанием заслуг провожаемого, текст которого наверняка – увы, в последний раз, пришлось бы написать самому Дымокурову.

Ничего этого, предвидел Глеб Сергеевич, теперь не будет. А будут долгие вечера в чахлом скверике из двух десятков клёнов и нескольких кустов сирени вблизи его дома, прозванного в народе «партактивским», ещё с советских времён заселённого ответственными работниками обкома партии и облисполкома среднего звена, безнадёжно состарившимися ныне. И проводивших стариковский досуг на лавочке за бесконечными воспоминаниями о прошлой службе, судьбах начальников всех уровней и собственной, разной степени удачливости, карьеры.

Теперь и Глеб Сергеевич присоединится к ним, вышедшим в тираж бывшим ответработникам. А всё из-за дурацкой опечатки, виноват в которой, по большому счёту, не он, а члены губернаторской команды, набранной по мотивам личной преданности, родственных связей, по сути, с улицы, не прошедшие школы административного управления, мало профессиональные. Бесконечно дёргающиеся сами, задёргавшие всех вокруг, вносящие сумятицу, путаницу, в нетерпящее торопливости делопроизводство и аппаратный процесс. Так случилось и в этот раз с внезапным переносом поздравления Шишмарёва на более раннее, чем было оговорено загодя, время, и последовавшую за тем спешку и нервотрёпку.

Дымокуров знал правила игры, принятые на государственной службе. А потому не ждал разносов, строгого выговора «с занесением» и прочих кар за допущенный им проступок.

Вернувшись в свой кабинет, он, под испуганно-сочувственными взглядами «молодой поросли», взял чистый лист бумаги, и чётким, каллиграфическим почерком написал на нём заявление на увольнение по собственному желанию.

Потом отнёс его в отдел кадров. Начальница отдела, тоже дама предпенсионного возраста, взяла заявление, молча, понимающе кивнула, и протянула взамен «бегунок» – обходной лист, подписи ответственных лиц на котором должны были удостоверить в том, что Дымокуров, покидая навсегда стены Дома Советов, не задолжал ничего ни хозяйственникам, ни бухгалтерии.

Удивительно, но в кабинете, в котором он бесменно просидел много лет, его личных вещей практически не было.

Он открыл поочерёдно ящики письменного стола, но там ничего, что стоило взять с собой, хотя бы на память, не оказалось. Множество папок – картонных, с незапамятных времён, с тесёмочными завязками, скоросшиватели, а так же современных, пластиковых, набитых никому не нужными кроме него, Глеба Сергеевича, бумагами. Должностными инструкциями, копиями распоряжений, докладами губернатора и справочными материалами к этим докладам, газетными вырезками...

Дымокуров хотел было забрать и мстительно унести заветную папку с шаблонами памятных и приветственных адресов, «поздравлялок» от имени губернатора. Пусть тот, кто займёт его место, сам поворочает мозгами, поизгаляется, сочиняя все эти бесчисленные «искренне, горячо и сердечно...», по одним и тем же, в общем-то, из года в год, поводам...

Но потом передумал. Никто ни над чем голову ломать нынче не станет. И кто-то из представителей «молодой поросли», только начинающий чиновничью карьеру, заняв кресло Дымокурова, будет, не мудрствуя лукаво, таскать тексты поздравлений и разного рода «памятных адресов» из интернета, благо их там – несметное множество, на все случаи жизни...

Когда-то на служебном столе Глеба Сергеевича стояла фотография жены и сына в рамке – такими, какими они были тридцать лет назад. Но той молодой красавицы с миленьким, как ангелочек, младенцем, уж нет. А с ними теперешними, давно состоящий в разводе с супругой Дымокуров сфотографироваться не удосужился. Да, честно говоря, ему такого как-то и в голову не приходило.

На самом дне нижнего ящика, среди разряженных «пальчиковых» батареек от диктофона, тронутых ржавчиной канцелярских скрепок, затупленных карандашей и шариковых авторучек с исписанными, высохшими стержнями, Глеб Сергеевич нашарил складной перочинный ножичек с пластмассовой рукояткой в виде лисы. Купленный в незапамятные времена за рубль двадцать копеек в центральном городском универмаге «Восход», и ни разу с тех пор не точенный. Сунул в карман. Вот, в общем-то, и всё, что он заберёт с собой на память о тридцатилетнем периоде жизни, проведённом в Доме Советов.

Если, конечно, не считать пенсии, которая, с учётом максимального стажа государственной службы, обещала быть весьма не плохой. Так что уж чего-чего, а нищета Глебу Сергеевичу в старости отнюдь не грозила...

Грустные размышления уходящего в отставку чиновника прервал телефонный звонок. Трезвонил не «внутренний», как обещали связисты, защищённый от разного рода несанкционированных вторжений вроде прослушек, аппарат, а городской, общедоступный.

Глеб Сергеевич осторожно, со вздохом поднёс трубку к уху. Разговор с кем бы то ни было казался сейчас абсолютно некстати.

– Алё! Это гражданин Дымокуров? – деловито поинтересовался мужской голос на другом конце провода.

– Он самый, – поморщился Глеб Сергеевич с досадой. Звонили явно не из Дома Советов, наверняка по какому-нибудь пустячному поводу. Сейчас начнут впаривать рекламу товаров и услуг...

– Глеб Сергеевич? – уточнил звонивший, и, сочтя ответное молчание за согласие, сменил вдруг тон с напористого на сочувственно-скорбный. – А я к вам с печальной новостью...

Дымокуров, для которого отставка стала вовсе не новостью, а печальным свершившимся фактом, удивился лишь, что сообщить о ней звонивший намеревался не по внутренней, служебной, а по городской связи. А может быть, кто-то из журналистов пронюхал, и попытается сейчас создать сенсацию скромного, областного масштаба?

– Кто это говорит? – настороженно спросил Глеб Сергеевич.

– Нотариус, – представился незнакомец. – Моя фамилия Рыбкин. Альберт Евсеевич. А звоню я вам... Э-э... Как бы это сказать? По поручению вашей тётушки, Василисы Митрофановны Мудрой.

– А-а... – протянул неопределённо Дымокуров. Уж кто-кто, а тётушка, которую он видел, дай бог памяти, раз в жизни, в детстве... лет пятьдесят, должно быть, назад, его на данный момент совершенно не интересовала. – И... что?

– Как душеприказчик вашей тётушки вынужден сообщить вам скорбную весть, – изрёк звонивший трагическим голосом. – Василиса Митрофановна почила, так сказать, в бозе. Умерла. А вы, согласно завещанию, её единственный наследник...

Час от часу не легче! Глебу Сергеевичу только хлопот с похоронами чужого и незнакомого, в общем-то, человека, сейчас не хватало! Душеприказчик... Там, небось, всего имущества – покосившаяся избёнка с колченогой мебелью, а из ценностей – швейная машинка «Зингер» да старый чёрно-белый телевизор «Рекорд»...

И он принялся отнекиваться неуклюже.

– Э-э... послушайте, любезный! Василиса... э-э... Мефодьевна...

– Митрофановна, – поправил нотариус.

– Ну да, Митрофановна. Живёт... жила где-то в сельской местности, вроде бы в Зеленоборском районе. За двести километров от областного центра. И... мне как бы, по причине удалённости... не с руки... э-э... принимать активное, мнэ-э... участие в похоронных мероприятиях...

– По этому поводу можете не волноваться, – оставив скорбную интонацию, бодро заверил нотариус. – Тётушку схоронили вчера. Так что вашего участия в траурной церемонии не требуется. А вот в права наследства вступить вам надлежит, особо не мешкая.

Глеб Сергеевич выдохнул с облегчением. И поинтересовался вроде бы, между прочим.

– А там есть что наследовать?

– Есть! – со значением молвил нотариус. И принялся перечислять, явно поглядывая в какой-то перечень. – Дом жилой, площадью триста квадратных метров, деревянный, рубленый, в хорошем состоянии. Приусадебный участок пятьдесят соток, с хозяйственными постройками и флигелем – бывшей «людской», площадью сто квадратных метров. В доме – некогда помещицьем, заметьте, огромная коллекция антиквариата – мебель, посуда, картины, ковры... Этакое, знаете ли, дворянское гнездо, чудом дожившее практически в неизменном виде до наших дней... И, учтите, имение это расположено в Заповедном бору, где участки сейчас под застройку – на вес золота...

Глеб Сергеевич слушал напряжённо, с всё возрастающим интересом.

– Я, конечно, затрудняюсь вот так, слёту, вкуче оценить завещанное вам имущество, – продолжал между тем нотариус. – Но, похоже, вы теперь миллионер, господин Дымокуров. – И уточнил. – В долларовой, как говорится, эквиваленте!

4

Поезд Южно-Уральск – Зеленоборск в народе давно прозвали «барыгой». Прежде всего, потому, что в прежние времена именно железной дорогой надёжнее всего было добраться из лесного района в областной центр торговцам скобяными товарами да нехитрой продукцией сельских подворий – мясом, топлёным молоком (свежее, не выдержав долгого пути, скисало), сметаной, маслом и мёдом. Возвращаясь, домой, везли «городские» товары – мануфактуру и колбасу. Этот контингент и составлял основную массу пассажиропотока.

Теперь, когда проложены высокоскоростные, блестящие хорошо прогудроненным полотном, шоссе, автотранспортом добираться было сподручнее и быстрее. А потому неторопливый, тащившийся до пункта назначения целых четыре часа поезд, состоявший всего-то из пяти вагонов, заполнялся пассажирами едва ли на треть.

Поговаривали, что в РЖД из-за хронической нерентабельности собирались отменить этот маршрут вовсе, однако региональные власти дотировали железнодорожные перевозки – побаивались негативной реакции сельского населения: билет на поезд стоил раз в пять дешевле автобусного.

«Барыга», лениво постукивая по расшатанным, кое-где тронутым ржавчиной рельсам этой второстепенной, редко используемой железнодорожной ветки, останавливался возле каждой мало-мальски населённой деревушки, и к нему бежали стайкой местные жители – в одном из вагонов располагалась пекарня, она же магазинчик, торговавший самым необходимым – хлебом, крупами, солью и спичками.

На этом тихоходном поезде и отправился Глеб Сергеевич в свои новые владения, сулящие ему приличное состояние.

И не потому, что решил сэкономить на стоимости поездки – с деньгами у него, благодаря государственной пенсии, проблем не было. Просто хотел не спеша погрузиться в новую для себя реальность, проникнуться по пути, так сказать, духом провинции, которой, положив руку на сердце, никогда и не знал, всю предыдущую жизнь, проведя в областном центре.

Когда-то Зеленоборск, стоявший у самой границы Заповедного бора, был заштатным городишкой с десятитысячным населением. Народ здесь занимался преимущественно сельским хозяйством, благо пахотных земель за границами реликтового лесного массива было предостаточно. Подпитывался дарами леса – грибами да ягодами, впрочем, скудеющими год от года, и сошедшими ныне почти на нет. Из промышленных объектов успешно функционировали только деревоперерабатывающие предприятия – лесопилки и единственная в области уцелевшая мебельная фабрика, производящая в основном незатейливые, недорогие и крепкие, а от того востребованные небогатыми селянами, табуретки.

Обо всём этом Дымокуров прочёл в путеводителе по городам и районам Южно-Уральской области, изданным ещё в советские времена, и завалившимся в его домашней библиотеке.

Из новейших источников информации Глеб Сергеевич почерпнул, что лет тридцать назад в окрестностях Зеленоборска были найдены запасы нефти. Не богатейшие, но всё-таки годные для промышленной добычи и переработки. В городок потекли деньги, увеличилось народонаселение. Появился новый микрорайон, застроенный двух и трёхэтажными коттеджами, в которых обитали работники нефтяной отрасли, и прочий кормившийся от нефтяного потока люд, прозванный местными остряками «Поле чудес». Открылись гостиницы и рестораны, торгово-развлекательные заведения.

Городок, деревянный прежде по преимуществу, приобрёл современный, ухоженный, щедро подсвеченный рекламными огнями, вид и лоск.

На территории Заповедного бора ещё в середине прошлого века тоже было обнаружено месторождение нефти, пригодное для промышленной разработки, но статус памятника природы не позволял до поры буровым вышкам вторгаться в реликтовый зелёный массив.

Впрочем, катающийся нынче в нефтяном масле Зеленоборск был Дымокурову без надобности. Унаследованное имение находилось в самом глухом участке бора, в селе Колобродово. К этому населённому пункту, как озаботился выяснить заранее Глеб Сергеевич, вела грунтовая дорога, относящаяся к категории «межпоселковых», а это значит, в распутицу совсем не проезжая.

Ещё и поэтому не привыкший рисковать (вдруг дождь зарядит!), отставной чиновник предпочёл поезд, и вот уже три часа кряду качался, переваливаясь с боку на бок на деревянном диване старого, явно доживающего последние дни перед списанием в утиль, ревматически поскрипывавшего в железных своих сочленениях «общего» вагона.

Сперва Глеб Сергеевич пытался читать прихваченный специально в поездку толстый том детективов Агаты Кристи, но из-за вагонной болтанки строчки прыгали перед глазами, очки сползли на кончик носа, и вскоре он, отложив книгу, принялся созерцать пробегающие за мутным, давно не мытым окошком, окрестности.

Степной, ничем не ограниченный до самого горизонта пейзаж отступил, и по сторонам железнодорожного пути замелькали сосны – вначале одиночные, корявые да разлапистые, потом пошли новые, недавние относительно посадки. Деревца здесь росли культурно, рядком, и были лет пяти-семи от роду. А дальше, когда поезд, лениво постукивая колёсами, вполз в настоящий лес, за окном стало сумеречнее от обступивших железнодорожное полотно столетних сосен, которые стояли уже в одном ведомом им самим порядке, кучнее, возносились целеустремлённо к солнцу, затеняя кронами всю остальную жизнь, копошившуюся у их подножья.

Местами эти исполины вплотную прижимались к путям, тянулись игольчатыми лапами к вагонам, стремясь то ли остановить их, не пустить в свою сокровенную чащу, то ли просто погладить, пробуя на ощупь – стоит ли опасаться этого запалённого, разогретого степным зноем, надсадно хрипящего, шумного железного зверя?

Впрочем, кое-где в полумраке бора замечались проплешины. На этих рукотворных полянах громоздились штабеля брёвен, высокие, аккуратно сложенные поленицы, виднелись рубленные домики – ветхие сторожки егерей и вполне современные жилые дома-вагончики на автомобильных шасси.

Человек всё глубже, настойчивее вторгался в зелёный массив, отвоёвывая у бора сотки и гектары песчаной земли, малопригодной для возделывания, но столь желанной для ищущих временного покоя и уединения состоятельных горожан.

Притомившись уже от затянувшегося путешествия, Глеб Сергеевич отвёл взгляд от окна, и принялся созерцать попутчиков.

В полупустом вагоне их было не много. Десятка два человек, преимущественно селян по внешности и повадкам, подрёмывали под монотонный колёсный перестук слегка покачивающихся вагонов, заботливо разместив под ногами и в проходе баулы с закупленными в городе товарами.

Пробираясь сквозь бор, который становился всё гуще, глуше, поезд то и дело останавливался на пару минут на полустанках, обозначенных белёными будочками обходчиков, и тогда возле вагонов начиналась суета. Кто-то сходил, исчезая в лесной чаще бесстрашно, кто-то, наоборот, выныривал из неё, карабкаясь судорожно, боясь не успеть, на подножку. Какие-то дремучие лесовики, обитавшие здесь на дальних кордонах, в отрыве от цивилизации, продравшись сквозь буреломы, бежали вдоль состава, хрустя гравием железнодорожной насыпи, под самыми окнами – спешили к вагону-пекарне за хлебом.

Внимание Дымокурова привлёк такой новый пассажир, появившийся вроде бы ниоткуда, из места, где людских жилищ не просматривалось – мужик лет пятидесяти, звероватого вида, заросший по самые брови чёрной, с проседью, бородой, угрюмый, кряжистый. Он был обряжен в брезентовую куртку-штормовку, линялые штаны «защитного» цвета – зелёные, с бурыми камуфляжными пятнами. Обут мужик был в литые, невероятно-огромного размера, резиновые сапоги-бродни, что казалось странным на фоне летней жары и засухи.

Хотя, как вспомнил, кстати, Глеб Сергеевич сведения, вычитанные из путеводителя, Заповедный бор известен был своими болотами.

«Настоящий лешак!», – подумал не без уважения отставной чиновник, и поймал вдруг себя на мысли, что завидует в чём-то этому подсевшему на глухом разъезде пассажиру. Его кряжистой силе, уверенности в себе, основательности, читавшихся во взгляде чёрных, пронзительных, всё подмечающих глаз. Ведь и он, Дымокуров, мог так же вот, сложись судьба его по-иному, жить в лесу, вдали от всяческого начальства, бесконечных «вводных», боязни не угодить, ошибиться, без чинопочитания, трепета и демонстрации раболепия в приниженно согбённой спине. Жить вольно, нынче как вчера, чтобы самые большие перемены были связаны с вполне предсказуемыми временами года, морозами или жарой, а «вводные» слагались то из обильных снегопадов зимой, то засухи летом, или удавшегося богато урожая кедровой шишки, к примеру...

Мужик пёр огромную, судя по всему, довольно тяжёлую сумку – клетчатую, на молнии, похожую на те, что тянут с собой «челноки», возвращаясь из дальних стран в родные пенаты. Мужик поставил баул, явственно гроыхнувший чем-то металлическим, в проходе, а сам сел на деревянный диван, и вроде бы подрёмывал, опустив голову и прикрыв глаза, а на самом деле пристально, оценивающе, разглядывал попутчиков из-под кустистых бровей.

Бросил он взгляд и на Дымокурова, как показалось тому, задержав на отставном чиновнике взор несколько дольше, чем на всех прочих. Глеб Сергеевич тут же отвернулся, и принялся вновь обозревать уже довольно поднадоевший ему лесной пейзаж.

После очередной остановки в вагоне появился контролёр – молоденький парнишка в форме железнодорожника, в сопровождении двух дюжих полицейских, сержанта и капитана.

Контролёр проверял билеты. Пассажиры, подсевшие уже на территории бора, где на глухих полустанках железнодорожных касс, понятно, не было, расплачивались за проезд. Полицейские молча присутствовали при сём, внимательно, профессионально разглядывая каждого.

Глеб Сергеевич, когда очередь дошла до него, протянул слегка помятый, похожий на товарный чек в магазине билетик, который хранил вместе с паспортом в нагрудном кармашке. Контролёр мельком глянул, надорвал краешек, и вернул билет. Полицейские тоже не удостоили Дымокурова особым вниманием.

Зато колоритного лесовика стражи порядка взяли в оборот сразу.

Даже не спросив билета, полицейские указали на вместительный баул бородатого:

– А ну, открой!

Мужик, равнодушно пожав плечами, расстегнул «молнию».

– Оппаньки! – воскликнул сержант, запустив руку в нутро сумки. Торжествуя, вытащил какую-то блестящую железку непонятого предназначения, и передал её капитану. – Что это, гражданин?!

Мужик, усмехнувшись в бороду, отвернулся к окну.

– А я скажу, что это! – пояснил не столько мужику, сколько окружающим полицейский капитан. – Это контакты с электроподстанции. Ты ж целое деревообрабатывающее предприятие обесточил! – сунул под нос лесовику железку полицейский. И покачал головой изумлённо, – и как тебя, дурака, не пришибло? Там же напряжение – десять тыщ вольт!

Мужик невозмутимо продолжал смотреть в окно.

– Будем оформлять, – бросая железку обратно в сумку, заключил капитан. И, обернувшись к сержанту, распорядился, – организуй понятых. – А потом потребовал у мужика: – Документы!

Тот поднялся, выпрямился во весь рост, оказавшись на голову выше обоих полицейских, пошарил где-то под штормовкой, за пазухой, извлёк замусоленную, сложенную вчетверо бумажку, протянул полицейскому.

Капитан с некоторой брезгливостью развернул потёртый листок.

Дымокуров, поправив на носу очки «для дали», через плечо полицейского тоже отчётливо видел содержание документа.

Капитан прочёл вслух, вглядываясь в выцветшие, напечатанные на раздолбанной пишущей машинке вкривь и вкось строчки:

– Справка... Дана гражданину Лесному Якову Петровичу... в том, что он освобождён из мест лишения свободы... Срок наказания отбывал в ИТЛ... тысяча девятьсот пятьдесят пятый год?! Ты чего мне подсовываешь, а?! – обратился капитан взор на мужика, но того уже не было на прежнем месте.

И вообще не наблюдалось в вагоне.

Мужик самым непостижимым образом вдруг исчез, словно растворившись в слегка душноватом, спёртом вагонном пространстве.

Глеб Сергеевич, с интересом следивший за этой сценой, вместе со всеми пассажирами принялся в недоумении крутить головой.

– Эй! Э-эй! – засуетился взволнованно капитан, и обратился к напарнику. – Пилипенко! Найди его!

Сержант в изумлении огляделся:

– Да где ж он, гад этакий?!

И тут Дымокуров увидел вдруг мужика. Он никуда не исчез, а притулился через пару рядов на свободной деревянной скамье, и наблюдал за происходящим. Но его почему-то никто не видел!

Поймав на себе взгляд Глеба Сергеевича, виновник всеобщего переполоха поднёс указательный палец к губам, жестом показав недвусмысленно – молчи, мол.

Дымокуров моргнул растерянно в знак согласия, и отвернулся к окну.

В это время поезд грохотнул как-то особенно сильно, затрясся, заскрежетал яростно железными сочленениями, тормозя.

За окном мелькнула надпись крупными буквами на дощатой стене одноэтажного здания вокзальчика: «Станция Колобродово».

Глеб Сергеевич прибыл в пункт назначения.

5

Вопреки представлениям Дымокурова, Колобродово оказалось вовсе не забытым богом медвежьим углом в дебрях Заповедного бора.

Это был вполне цивилизованный пристанционный посёлок, тысячи на три душ населения. Впрочем, изрядный процент из их числа, как позже выяснил Глеб Сергеевич, составляли так называемые «дачники» – горожане, построившие или прикупившие домики в здешних живописных местах, и наезжающие сюда только на выходные дни, либо в период отпуска.

День приезда Дымокурова выдался на пятницу, а потому на перроне оказалось относительно многолюдно. На деревянной, выстланной почерневшими от времени досками платформе толпились встречающие и готовящиеся отправиться дальше, в Зеленоборск, пассажиры, продавцы немудрёной снеди для оголодавших в дороге путников – жареных пирожков с картошкой, беляшей с фаршем сомнительного происхождения, солёных грибов в стеклянных литровых банках...

Внимание Глеба Сергеевича привлекла сплочённая группа людей разного возраста, своим «городским» обличем резко контрастирующая с местными жителями.

В руках горожане держали разнокалиберные плакаты, написанные на ватмане гуашью и акварельными красками: «Нет – добычи нефти в Заповедном бору!», «Нефтяники, руки прочь от зелёной жемчужины!», и прочее в том же духе.

Обитавшие окрест «зелёной жемчужины» селяне косились на шумную группу, и старались быстрее прошмыгнуть мимо – подальше от греха и политики.

Миновав пикетчиков, Дымокуров направился к зданию станции – старинному деревянному сооружению, почтенный возраст которого угадывался по резным финтифлюшкам, украшавшим фронтон и наличники окон. Последние лет семьдесят так не строили, не тратили времени на затейливую резьбу и прочие «архитектурные излишества». Тем нелепее смотрелись примастряченные к прокопчённым ещё паровозным дымом и угольной пылью бревенчатым стенам современные рекламные щиты. Предлагающие наперебой услуги сотовой связи, автосервисов, туристических кемпингов и даже саун с опытными привлекательными массажистками...

Здесь, у окошечка билетной кассы, выходящим на перрон, вступающего в права владельца антикварной усадьбы должен был ожидать поверенный Рыбкин.

Его, прохаживающегося отрешённо от всеобщей суеты под большими круглыми, показывающими «московское» время – по местному половина четвёртого пополудни, часами, Дымокуров углядел сразу. По чужеродному в этой толпе строго официальному, несмотря на июльскую жару, костюму чёрного цвета, белоснежной рубашке и бардовому галстуку в золотую искорку, по лакированным, не припудренным сельской пылью, туфлям.

В руках нотариус нянчил объёмистый, жёлтой воловьей кожи, портфель.

Дымокурова, с которым ранее общался только по телефону, он тоже мгновенно признал. Поднял приветливо свободную от портфеля руку, помахал, улыбаясь, окликнул:

– Глеб Сергеевич! С приездом! Пройдёмте, у меня здесь машина...

Обойдя с торца станционное здание сквозь заросший кривыми карагачами скверик, по растрескавшейся асфальтовой дорожке чиновник и нотариус вышли на привокзальную площадь, где калилось на солнцепёке два десятка стоявших здесь на приколе машин. И опять автомобиль поверенного Дымокурова определил сразу – шикарный чёрный лимузин бросался в глаза в ряду отечественных преимущественно, заляпанных грязью, а кое-где и тронутых ржавчиною провинциальных собратьев.

Альберт Евсеевич надавил на кнопку брелка, и автомобиль ойкнул послушно, приветливо мигнул хозяину оранжевыми подфарниками.

– Прошу, – распахнув дверцу со стороны пассажира, пригласил радушно нотариус.

После чего, подхватив чемодан, с которым путешествовал Глеб Сергеевич, отнёс его в багажник.

Дымокуров погрузился в мягкий, слегка душноватый, пахнущий кожей и дорогим одеколоном, салон.

Нотариус занял водительское место. Лимузин, заурчав едва слышно, тронулся с места, и поплыл невесомо, как на воздушной подушке, без тряски, лишь покачиваясь слегка, по ухабистой деревенской улице.

Правильно расценив одобрительный взгляд пассажира, брошенный на «железного коня», Альберт Евсеевич пояснил сдержанно:

– Приходится, знаете ли, пребывать в постоянных разъездах. И хорошая машина – не прихоть, а средство, так сказать, передвижения. Достаточно комфортное, чтобы оставаться вменяемым, отмахав несколько сотен километров по делам клиентов...

– И оплачивается ваш труд, судя по всему, достойно, – вставил Глеб Сергеевич.

– На жизнь хватает, – хохотнул нотариус. И заметил, – кстати, если вы имеете в виду оплату моих услуг – можете, не беспокоитесь. Они уже оплачены. – И, повернувшись к пассажиру, подмигнул по-свойски. – В достойном размере!

А отставной чиновник подумал с некоторым удивлением, что покойная тётушка была, судя по всему, женщиной серьёзной, основательной, обо всём позаботилась. Даже работу нотариуса по делам наследства заранее оплатила...

Между тем автомашина плыла по прямой деревенской улочке, застроенной домиками-срубами, судя по ветхости, чёрным от времени бревенчатым стенам, возрастом сотни, не менее, лет.

Впрочем, то тут, то там серые, костяной плотности, покосившиеся плетни, огораживающие дворы от проезжей части, сменяли заборы из гофрированного металла, окрашенные в весёленькие голубые да зелёные цвета. А за ними высились двух, а то и трёхэтажные коттеджи – новостройки. То ли кто-то из местных, деревенских, умудрился разбогатеть, то ли горожане при солидных доходах и должностях прикупили участки поближе к хвойному, целебному воздуху бора...

Улочка была пустынной, только кое-где на поросшей травкой обочине копошились куры, гуси да утки. Иногда какой-нибудь гусак, потревоженный чужеродным здесь, нарушившим сельскую тишину лимузином, грозно вытянув шею, с гоготом бросался в атаку, держась, впрочем, на расстоянии и не попадая под колёса, шуршащие гравием дорожного полотна.

Вскоре тёмно-зелёная полоса, маячившая на горизонте в дальнем конце улицы, приблизилась, превратившись в стоящий плотно, стеной, сосновый бор.

– Ну, дорогой Глеб Сергеевич, – повернулся нотариус к пассажиру, – въезжаем, так сказать, в ваши родные теперёшь пенаты! Готовьтесь к перемещению во времени. В девятнадцатый, а может, и в восемнадцатый век!

И, решительно крутанув руль, свернул на отходящую от главной улицы совсем уж узкую дорожку в одну колею, под сень огромных, высящихся до неба корабельных сосен, ведущую в сумрак бора, в самую, как показалось Дымокурову, чащу.

– Кстати, Глеб Сергеевич, – заметил нотариус, до того внимательно следивший за грунтовой дорогой и старательно объезжавший ямы и лужи, образовавшиеся здесь в распутицу. – В завещании о наследстве есть пара закавык, оговорок, которые вам надлежит соблюсти. И которые... э-э... несколько усложняют дело...

– Налоги? Долги какие-нибудь? – живо поинтересовался отставной чиновник, давно убедившийся на собственном опыте, что бесплатных пирожных в нашей жизни не бывает, и за каждую удачу, подарок судьбы всё равно в конечном итоге приходится чем-то платить.

Поверенный покачал головой.

– С финансовой стороны – никаких проблем. Одна оговорка в завещании требует, чтобы наследник – то есть вы, до вступления в полные права наследства прожили в усадьбе не менее шести месяцев безотлучно...

– Есть и вторая? – насторожился Глеб Сергеевич, уверенный в том, что с первой как-нибудь справится. Если его не будут пугать по ночам призраки...

И усмехнулся своим нелепым опасениям.

– А вторая заключается в том, – продолжил нотариус, – что в усадьбе Василисы Митрофановны проживает... э-э... некая хозобслуга. Челядь, обитающая там с незапамятных времён. Живут эти люди во флигеле на заднем дворе, и занимаются всеми хозяйственными работами... В завещании оговорено, что они должны оставаться при домовладении и впредь.

– И много их? – нахмурился Дымокуров.

Его робкие мечты о сельском уединении начинали рассыпаться в прах. Но, с другой стороны, жить в сельском доме, вести хозяйство горожанину в одиночку вряд ли по силам. Там, небось, и огород имеется, а может быть, и живность какая-то. Куры, например. Или вовсе – корова. Сам-то он понятия не имеет, с какого бока к ней подходить...

– Четверо... кажется, – не вполне уверенно сказал нотариус. – Подозреваю, что я не всех видел. Они мне на глаза старались не попадаться. Как инопланетяне – в контакт неохотно вступают. Видел я там старуху безумную по всем признакам, мужика дикого вида – то ли уголовник бывший, то ли бомж. А скорее всего, и то и другое, вместе взятое... Два парня лет эдак тридцати, весьма придурковатого вида – то ли внуки, то ли дети старухины. Потом домоправитель есть, мужчина в преклонных годах, горничная, она же кухарка, лет сорока... Ну, эти, похоже, вполне вменяемы, а домоправитель, Еремей Горыныч – так вообще мурый тип. Себе на уме, из него лишнего слова не вытянешь...

– Они что ж там, в этом доме прописаны? – полюбопытствовал Дымокуров, успокаивая себя тем, что от этой хозобслуги ему, как собственнику, со временем удастся избавиться.

– Я попытался было выяснить у них. В каких... э-э... родственных, или трудовых отношениях они состояли с покойной – да где там! – продолжил в сердцах нотариус. – Шарахались от меня, как от чумного. Бормотали что-то невразумительное... Хотел регистрацию по месту жительства, прописку, то есть, у них посмотреть – они паспорта мне так и не предъявили. В домовоей книге некие люди, как постоянно проживающие, отмечены, но то записи ещё тридцатых годов прошлого века. Те домочадцы давным-давно уж поумирали. А эти... Как они умудряются без документов, пенсий, паспортов существовать, как полиция ими до сих пор не заинтересовалась – ума не приложу!

– Может, они нелегальные мигранты? Беженцы какие-нибудь? Обличьем-то – не азиаты? – предположил Глеб Сергеевич.

Нотариус пожал плечами.

– Внешность вроде славянская. Хотя чёрт их знает. Может, и впрямь переселенцы из республик бывшего СССР, Средней Азии, например... Или беженцы с Украины... Да вы не расстраивайтесь, – глянув на озаботившегося разом собеседника, успокоил нотариус. – Вот вам визитка моя, – протянул он тиснёную золотом карточку, – там все контакты – адрес конторы, телефоны. Обращайтесь. Зарегистрируем право собственности в Росреестре, награвим полицию, судебных приставов – и вытурим в два счёта всех с незаконно занимаемой площади!

Дымокуров с благодарностью спрятал визитку в нагрудный кармашек рубашки. Наверняка пригодится!

– А пока... – продолжил нотариус, – нет худа без добра. Не один проживать будете. Там, кстати, большое хозяйство имеется. За ним тоже пригляд нужен... – И, склонившись к собеседнику, добавил вполголоса доверительно. – Месторасположение усадьбы уж больно уединённое. Я, честно говоря, и днём-то там находиться побаиваюсь. Всё время не по себе как-то...

А уж ночевать – один в доме, в этой лесной глуши, где за окном то ли волки, то ли нечисть какая-то воет, – ни по чём не останусь!

Отставной чиновник, до того отвлёкшийся разговором, сквозь окошко автомобиля огляделся вокруг. Машина словно по тоннелю ехала – так плотно к дороге стояли сосны, так смыкались непроглядно их макушки где-то высоко-высоко, застилая небо, отсекая живительные солнечные лучи, сея окрест прохладу и сумрак. Будто вечер внезапный, раньше времени, наступил. Действительно жутковато!

6

Впрочем, усадьба, ждавшая их в конце примерно километровой по протяжённости лесной дороги, больше походившей на широкую пешеходную тропу, оказалась вовсе не мрачным, хотя и уединённым строением.

Располагалась она на большой поляне, и солнца здесь было вполне достаточно. Лес отступил на сотню-другую шагов кругом, и замер в отдалении, снова сомкнув ряды, будто на страже.

Возникшее перед ними строение Глебу Сергеевичу понравилось неожиданно. Дом оказался именно таким, каким ему и представлялись канувшие давно в небытие подобные помещицы усадьбы.

А ещё вдруг стала распирает неизвестно откуда накатившаяся спесивая гордость. Он-то, оказывается, в отличие от всех этих выскочек, кухаркиных детей, точнее, теперь уже внуков и правнуков, представителей элиты, пребывающей ныне у власти, не какой-нибудь временщик без роду и племени. Вот его родовое поместье, дворянское, можно сказать, гнездо!

Одноэтажное, рубленое из огромных, в два обхвата стволов лиственницы, здание. С широко раскинувшимся, словно два крыла распротёртых, фасадом. С крыльцом по центру, из грубо отёсанного дикого камня, в десяток ступеней, сложенным, с деревянными, затейливой резьбы, колоннами, подпиравшими балкончик, выходявший с мансарды. С окнами без ставен, украшенными узорчатыми наличниками, свежевыкрашенными в ярко-зелёный цвет.

Всё это вовсе не ветхое, а крепкое, на века, строение венчала добротная крыша, кровельным железом покрытая. С башенкой посередине и круглым оконцем, на манер корабельного иллюминатора, глядя из которого наверняка хорошо обозревались окрестности – площадка перед домом, заросшая коротенькой, то ли выстриженной заботливо, то ли от рождения куцей, вроде густой щетинки, травкой. Чугунного литья двустворчатые ворота, сейчас открытые наверняка в ожидании гостей, настезь. К воротам вела присыпанная гравием дорожка с площадкой для стоянки автомобилей, и с деревянными, почерневшими от времени, врытыми в землю столбами – коновязью, не иначе, сохранившейся до нашей поры.

Сердце Глеба Сергеевича забилося радостно.

Много лет, едва ли не большую часть жизни, проведя в унылых, заставленных безликой канцелярской мебелью, кабинетах, он лишь в тайных, робких мечтах мог представить себе, что когда-то вырвется из душного, прокалённого зноем летом и замороженного зимой города. Поселится на природе, в лесу, на берегу тихой речки, густо поросшей по берегам ивой да тальником, с нежными лилиями, обозначающими места глубоководных омуты...

Да и кто из горожан, ошалевших от постоянной круговерти дел, тревог, наваливающихся всё тяжелее семейных и служебных проблем, скопившихся долгов, неподъёмных кредитов... кто из нас, положив руку на сердце, не мечтал в минуты усталости и отчаянья о таком вот нетопливом, ни к чему не обязывающем, житье-бытье?!

Но и тогда грёзы Дымокурова дальше пригородной дачи в тесном окружении подобных же, домиков, не простирались...

А здесь – такой домина! Помещицы усадьба! В первозданном лесу!

Было от чего прийти в восторг.

Автомобиль остановился у ворот. Глеб Сергеевич, пошарив левой рукой возле сиденья, отстегнул ремень безопасности и выбрался из машины.

Со стороны водителя-нотариуса дверца тоже хлопнула мягко.

На крыльце приезжих встречали.

По каменным, изрядно стёртым и отполированным годами тысячами ног сходил человек – лысый, худой, как-то весь вытянутый в длину, так, что ему приходилось склоняться перед

собеседниками, неопределённого, «за семьдесят», возраста. Его лицо было лишено малейшей растительности – не благодаря тщательному бритью, а было безволосым изначально, похоже. Встречавший чем-то неуловимо походил на огромную, вставшую на дыбы, ящерицу. Точнее рептилию, облачённую в холщёвую, домотканую, что ли, рубаху и той же выделки штаны. Натянувшую на задние лапы для форсу ещё и козловой кожи сапожки.

Впрочем, несмотря на не слишком располагавшую внешность, человек этот растянул и без того почти безгубый рот в приветливой улыбке, в результате чего губы вовсе исчезли, а сходство с ящером только усилилось:

– А вот и гости дорогие, долгожданные... – степенно изрёк встречающий. – Альберт Евсеевич! А это?.. – глянул он вопросительно на нотариуса, одновременно протягивая руку Глебу Сергеевичу.

– Дымокуров. Наследник, – кратко отрекомендовал Рыбкин спутника. – Новый владелец усадьбы. Прошу, как говорится, любить и жаловать!

Человек в пояс поклонился Глебу Сергеевичу, произнёс с чувством:

– Пожалте, хозяин! Мы уж тут ждали-ждали... Все глаза проглядели! – и представился в свою очередь. – Еремей Горыныч. Управляющий усадьбой. По-нынешнему, здешний завхоз...

Дымокуров, смутившись таким приёмом, забормотал что-то старорежимное, приличествующее, по его понятиям, случаю:

– Ну, полноте, батенька! Какой я, право, барин? Самый что ни есть трудовой элемент. Государев служащий. Только в отставке.

– Ну, вот и познакомились, – с некоторым облегчением, удовлетворённо воскликнул нотариус. И демонстративно, подтянув рукав пиджака, глянул на золотой «Ролекс» на запястье. – Друзья! Время к вечеру. А нам ещё предстоит поработать, уладить кое-какие формальности!

Домоправитель умоляюще сложил на груди руки:

– Сперва отобедать извольте. У нас так принято, – опять поклонился он Глебу Сергеевичу, будто ожидая его подтверждения, – дорогих гостей с дороги – первым делом за стол!

На что Дымокуров, начиная осваиваться с ролью хозяина, кивнул благосклонно:

– И впрямь, Альберт Евсеевич! Пойдёмте, раз приглашают. С делами успеем управиться...

Изнутри дом больше всего походил на провинциальный краеведческий музей с экспозицией, воссоздающий быт помещичьей усадьбы девятнадцатого, а может быть, и восемнадцатого веков.

Медового цвета, натёртые мастикой полы, настеленные из едва ли не метровых в поперечнике досок, уложенных и пригнанных так монолитно, что щели между ними едва угадывались, и ни одна гигантская половица под ногой не скрипнула.

Потолки – высоченные, украшенные из алебаstra, должно быть вылепленными финтифлюшками, с барельефами ангелочков, нимф, и прочих мифических существ. По центру потолков были прикреплены широченные, с автомобильное колесо, люстры. Некогда предназначенные для свечей, а теперь переделанные под электролампочки. Впрочем, и свечи в доме имелись. Стояли в оплывших стеарином подсвечниках на антикварных столах.

– С электричеством зимой бывают проблемы, – пояснил домоправитель. – Когда в непогоду провода рвутся. Мы ж на отшибе живём, пока починят...

Глеб Сергеевич с удовлетворением обозревал обитые матерчатými, в мелкие цветочки, обоями стены, увешенные портретами надменных вельмож.

В центре, в золочёной раме, в натуральную, не иначе, величину, красовался портрет царственно восседавшей в кресле с высокой спинкой старухи с грубыми, властными чертами лица. В крупной по-мужицки руке бабка сжимала увесистую клюку с серебряным набалдашником.

– Хозяйка усадьбы, Василиса Митрофановна Мудрова, – пояснил, заметив заинтересованный взгляд Глеба Сергеевича, домоправитель.

Старуха с портрета смотрела на своего племянника, Дымокурова, сурово и пристально. Прямо душу ему своим взглядом выворачивала наизнанку.

Поёжившись, Глеб Сергеевич последовал дальше за провожатым.

Домоправитель показывал им покои, обращая внимание на мебель – тёмной полировки, с резным орнаментом, витиеватыми ножками, обитую зелёным сукном и вишнёвого оттенка бархатом. Слоноподобные, неподъёмной тяжести, напоминающие бронированные негоряемые сейфы, шифоньеры и платяные шкафы. «Горки», за толстыми, мутноватыми стёклами которых угадывались ряды того самого антиквариата, упомянутого в рассказе нотариуса – фарфоровые обеденные и чайные сервизы, хрустальные вазы, фужеры и золочёные рюмки, столовое серебро, шкатулочки с таинственным, наверняка столь же ценным и уникальным содержанием...

– На века строили, – нахваливал, словно торговец недвижимостью, домовладение нотариус. – Но без излишеств. Разных там бильярдных и зимних садов. Потому что понимали – все эти помещения отапливать предстоит. А у нас зима в году восемь месяцев...

Ступая вслед за домоправителем из комнаты в комнату, взирая на широченные, шестипальные, не иначе, кровати с горами туго набитых подушек, отгороженные занавесями... э-э..., балдахинами, кажется, проходя мимо стеллажей, высоченных, уставленных от пола до потолка толстенными, переплетёнными в тиснёную золотом кожу, фолиантами, Глеб Сергеевич молчал подавленно. А в голове его металась только одна испуганно-радостная мысль: «Теперь всё это – моё!».

Прав был нотариус. За любую вещь из усадьбы – будь то предмет антикварной мебели, или безделушка с полок буфетов, книжка из библиотеки, вздумай Дымокуров их продать, можно было выручить деньги, позволяющие безбедно, не ограничивая себя особо в желаниях и потребностях, прожить целый месяц. А уж пенсионеру, чьи желания и потребности ограничены вполне естественными возрастными рамками – тем более.

Обеденный зал, куда в конце ознакомительной экскурсии по дому привёл гостей Еремей Горыныч, оказался просторным, с широченным столом, покрытым белоснежной, похрустывающей от крахмала по углам, скатертью. Судя по рядам стульев чёрного дерева – массивных, как и всё в имении, монументальных, с неудобными прямыми спинками, здесь одновременно могло бы усесться персон двадцать, не меньше.

– Глеб Сергеевич! Альберт Евсеевич! – любезно указал домоправитель на стулья ближе к торцу стола.

Дымокуров заметил, что кресло во главе – ещё более монументальное, с массивными подлокотниками, увенчанными оскаленными львиными мордами, осталось незанятым.

Этим, как рассудил Глеб Сергеевич, ему как бы ясно дали понять – он здесь пока не полноправный хозяин. А уважаемый, но всё-таки гость.

– Место матушки нашей. Василисы Митрофановны, – заметив мимолётный взгляд наследника и угадав его мысли, пояснил Еремей Горыныч, – ну и... – замялся он, – примета есть такая. Сорок дней место новопреставленной не занимать...

Глеб Сергеевич кивнул скорбно, а потом не выдержал, съязвил:

– Не то покойница обидится, или вовсе воскреснет?

Домоправитель смутился, рукавом рубахи утёр вспотевший разом лоб:

– Дык, оно же, как... Оно же всяко бывает...

Дымокуров, поставив радушного хозяина в неловкое положение своим замечанием, попытался исправить ситуацию.

– А что ж тут на двоих только сервировано? – указал он с укором на столовые приборы, и пригласил радушно, – присаживайтесь с нами!

Еремей Горыныч поджал чопорно губы:

– Нам не положено...

Нотариус на правах человека, знакомого со здешними порядками, пояснил:

– Нравы в имении, Глеб Сергеевич, суровые. Патриархальные!

Домоправитель крикнул в распахнутую в соседнее помещение дверь, кухню, должно быть:

– Мария! Подавай!

Тот час в обеденный зал вплыла обряженная в длинный вышитый сарафан, с повязанным на голове белоснежным платочком, полная, округлая, будто сама только что из печи, румяная, словно сдобная булочка, женщина лет сорока. В руках она несла поднос.

Ловко расставив яства, тут же метнулась назад. Ей понадобилось несколько таких пробежек, прежде чем она закончила выставлять на стол всё новые и новые блюда, водрузив в завершении на середину исходящую тонким аппетитным ароматом супницу.

Стараясь не бросать голодные взгляды на многочисленные тарелки с мясными нарезками, салатами, солёными грибочками и прочей, явно не покупной, от здешней земли, снедью, Глеб Сергеевич изучал, осторожно беря в руки поочерёдно, столовые приборы – вилки и ложки литого серебра, ножечки того же металла, всё с фамильными вензелями, силясь постигнуть их предназначение.

Нотариус, успевший, судя по всему, освоиться со здешними порядками, распорядился по-свойски:

– Ты, Марья, нам супчику-то по чуть-чуть наливавай. По полтарелочки. У тебя душа гостеприимная, с размахом. А мы же с Глебом Сергеевичем не лесорубы, что бы всё это, – обвёл он рукой уставленный закусками стол, – оприходовать! – И обратился к домоправителю. – Еремей Горыныч, ты наследнику-то настоячки своей знаменитой, на кедровых орешках, для аппетита плесни. Я бы рад составить компанию – да не могу. За рулём! – причмокнул он с сожалением.

Похлебав наваристого супчика, отведав жаркого из телятинки, сдоблив салатиками из свежих овощей, закусив тонко нарезанной буженинкой, а, главное, выпив три гранёных стопки литого стекла щедро, «с бугорком» наполненных крепчайшей «кедровкой», Дымокуров несколько расслабился, осоловел от накатившейся сытости.

– А у вас что ж, постоянно так вот, в торжественной обстановке трапезничают, или только по особым случаям? С приездом гостей связанным, например? – задал вопрос домоправителю Глеб Сергеевич.

Тот кашлянул в кулак степенно, наблюдая исподлобья, как шустро убирает и сносит со стола грязную посуду Мария. Потом ответил коротко:

– Всегда. Не нами заведено, не нам и обычаи сии отменять...

Отставной чиновник покивал головой одобрительно. Такое неторопливое вкушение яств, заботливо подаваемых внимательной и угодливой хозобслужбой ему явно понравилось.

– А что ж, – начал он осторожно развивать тему, – у вас и люди для этого есть? Работники?

– Челядь? – грубовато уточнил Еремей Горыныч. – Найдётся...

– А они что ж, по найму, или договору работают? – не отставал Глеб Сергеевич под одобрительным взглядом нотариуса. – Зарплату, небось, получают?

Домоправитель повёл неопределённо плечами:

– Дык, харчи... Завсегда так было... Заведено исстари... Не нам и менять...

Однако Дымокуров твёрдо вознамерился прояснить этот вопрос.

– То есть, вы хотите сказать, что официально трудовые отношения у вас с ними не оформлены? И работают эти люди в усадьбе лишь за еду?

Еремей Горыныч потел всё явственнее.

– Ну, не токмо за харчи... Одежонка, обувка. Всё Василиса Митрофановна им справляла. Опять же, проживание...

Нотариус неприметно кивнул понимающе, а потом кашлянул деликатно.

– Гхм-м..., друзья! Мне пора. Стемнеет скоро, а по вашим лесным тропам на автомобиле пробираться не просто... Да, Глеб Сергеевич, вам ещё несколько бумаг подписать нужно... Еремей Горыныч, где тут у вас кабинет?

Тот встрепенулся с готовностью:

– Пойдёмте, я провожу.

Домоправитель, видно было, откровенно обрадовался тому, что прервался неприятный по какой-то причине для него разговор...

7

Утром того же дня, когда Дымокуров вступал в права наследства, губернатор Александр Борисович Курганов пригласил в кабинет своего заместителя, вернее будет сказать, заместительшу – вице-губернатора, отвечающего за внутреннюю политику Южно-Уральской области Надежду Игоревну Барановскую.

Вообще-то, как-то само собой сложилось так, что из числа шести заместителей главы региона, в «ближнем круге», имевшем свободный, на зависть прочему чиновному люду, доступ к главному «телу», состояли исключительно женщины.

Их, всем скопом, из своего муниципалитета прихватил и перевёз в областной центр мэра заштатного городка, которого внезапно для всех указом самого президента назначили губернатором края. А потом, как водится, подтвердили это назначение «всенародными выборами», согнав и заманив на избирательные участки сладкими посулами и угрозами едва ли треть населения – в основном работников бюджетной сферы из сельской глубинки.

Считалось, что не последнюю роль в судьбе мэра, ставшего вдруг – губернатором, сыграл глава нефтяной компании, филиал которой активно разрабатывал нефтеносные месторождения в недрах Южно-Уральской области.

Не такие богатые, как, скажем, в Тюмени, но тоже весьма перспективные. Особенно с учётом доступности и лёгкой извлекаемости.

Новоиспечённому губернатору, понятное дело, столкнувшемуся на первых порах с глухим неприятием и отторжением местной элиты, представители которой и сами были не прочь выйти со временем в «ферзи», комфортно было ощущать себя в окружении дамочек, попавших благодаря главе региона, «из грязи в князи». Которые внимали ему благоговейно, тянулись во фронт, сшибаясь лбами, бросались исполнять любые указания, не умничая и не споря.

Надежда Игоревна Барановская считалась неформальным лидером губернаторского женского батальона. Слегка за сорок, приближавшаяся к возрасту, когда бабы, как говорят в народе, опять становятся ягодками, поджарая, подвижная, с остро торчащей грудью нерожавшей женщины, она выделялась из прочих сановных дам вкрадчивой интонацией, мягкими, изысканно-вежливыми, манерами, жестами, отточенными в ходе тренингов на курсах «психологии делового общения», которые усердно посещала в молодости.

При этом с подчинёнными она была жёсткой, непреклонной, требующей исполнения своих указаний беспрекословно, точно и в срок.

Ей-то и решил поручить Курганов, преодолеть случившуюся в самый неподходящий момент размолвку с главным нефтяником региона. Тем более, что подошло время, когда по давней традиции Шишмарёв передавал своему протеже неприметный чемоданчик. Содержимое, которого, состоящее из плотных пачек в банковской упаковке, предназначалось для компенсации «представительских расходов», коих у губернатора, конечно же, было – хоть отбавляй.

– Что там с тем клерком, который приветственный адрес для Шишмарёва готовил? – с порога встретил Надежду Игоревну вопросом губернатор.

Он восседал в своём просторном кабинете за обширным, девственно чистым, столом, на полированной поверхности которого не было ничего, если не считать письменного прибора из розовой орской яшмы в виде башен Кремля. Впрочем, после исчезновения перьевых ручек и чернил прибором давно не пользовались, и он выполнял чисто декоративную функцию, ненавязчиво напоминая посетителям о том, что хозяин кабинета, как ни как, а является наместником федерального центра на этой вверенной ему в управление территории огромной страны.

– Уволили с должности в двадцать четыре часа! – с готовностью отрапортовала Надежда Игоревна, присаживаясь за приставной столик.

Курганов кивнул, буркнул вполголоса:

– Жаль, не в прежние времена живём. При Сталине его бы расстреляли к чёртовой матери!

Барановская вспорхнула ухоженными руками, с наманикюренными тщательно у дорогих визажистов пальцами, изобразив сожаление – увы, мол. А сама подумала не без ехидства, что, случись вдруг прежние времена, даже за малую толику тех дел, что провернула их слаженная команда на территории области, за то, как распорядилась государственной казной, они бы все гамузом, во главе с губернатором, одними из первых непременно попали бы в расстрельные списки.

А Курганов произнёс уже другим, вполне уместным среди своих, «домашним» тоном:

– Возьми-ка ты, Надя, нашего нефтяного магната на себя. Съезди к нему, пообщайся. Извинись за нашу... твою, между прочим, аппаратную ошибку. А то я в прошлый раз на мобильный ему позвонил, хотел переговорить, так он, сволочь такая, отключился... Найди чисто женский подход. Напомни, что не время сейчас друг на друга дуться. Нас великие дела, а может быть, и бои впереди ожидают!

– Сделаем! – с готовностью вскочила Надежда Игоревна, выпятив с готовностью грудь.

Губернатор, не скрывая удовлетворённой улыбки от подобной демонстрации преданности, продолжил:

– Через две недели техника нефтяников должна войти в Заповедный бор. Несколько скважин они там уже втихаря пробурили. Нефть отличного качества, прямо прёт из-под земли, залегает не глубоко. Но с началом полномасштабной добычи наверняка начнётся визг со стороны общественности, разных там «зелёных», оппозиционных политиков. И в такой ситуации мы вместе с нашими э-э... покорителями недр должны, так сказать, трудиться в одной... э-э... упряжке. Так и объясни Шишмарёву. Не ссориться по пустякам, а вместе работать над тем, что бы объяснить народу, всем жителям Южно-Уральской области, что даст нам, региону, каждому из них, разработка нового месторождения. А от бора, так сказать, в его первоизданном виде, если уж на то пошло, пользы для бюджета – никакой. Одни расходы. И ещё, – доверительно склонился он к продолжавшей стоять, вытянувшись во фрунт, Надежде Игоревне. – Ты же понимаешь, что области, нам с тобой в этой связи достанутся копейки. Хотя, х-хе-хе, – хмыкнул Курганов самодовольно, – на безбедную жизнь где-нибудь на Лазурном берегу и тебе, и мне до конца дней хватит. Да ещё детям и внукам останется. Но! – поднял он указательный палец, направив его в потолок, – главные бабки пойдут туда! Наверх! И если мы с тобой здесь чего-нибудь напортачим, нам этого никогда не простят. Уразумела?

– Так точно! – вытянув руки по швам, отчеканила, едва ли не прищёлкнув каблуками туфель-лодочек Барановская.

– Действуй! – благосклонно махнул рукой губернатор, отпуская подчинённую, а заодно и все грехи, кои доведётся ей совершить.

...Суперсовременное, сложенное из бутылочного цвета, зелёного стекла и серого бетона, административное здание регионального филиала нефтяной компании взметнулось в прозрачной синеве южно-уральское небо на девять этажей.

Вышколенные, обряженные в чёрную униформу секьюрити полчаса, не менее, мурыжили Барановскую. Сперва на проходной, потом в просторной приёмной. Названивали по телефонам своему начальству по восходящей, держа вице-губернатора у закрытого никелированного турникета, и согласовывая несанкционированный визит. Подчёркивая тем самым нарочито, как подозревала Надежда Игоревна, свою федеральную принадлежность и независимость от местных властей.

Шишмарёв предстал перед Барановской во всей колоссальной значимости своей персоны – как для региона, так и для страны в целом. Об этом свидетельствовали два больших, полтора метра на метр, портрета президента и премьер-министра страны, укрепленных

на стене аккуратно над головой восседавшего за столом нефтяника. Оба высших должностных лица государства как бы взирали благосклонно со своих властных высот на утвердившегося под ними, как раз посерединке, хозяина кабинета, благословляя и поддерживая во всём его деятельность на благо Державы.

Для южно-уральского губернатора места на стене не нашлось, что неприятно резануло Надежду Игоревну, не в первый раз бывавшую в этом офисе.

Кабинет Шишмарёва был огромным, словно тронный зал в старинном замке, уставленный столь же помпезной, невероятных размеров, будто для великанов сработанной, мебелью. С обширным, как волейбольная площадка, столом для совещаний, могучими креслами, в которые при желании можно было усадить, например, дрессированного слона. С российским триколором и корпоративным флагом, распяты по стенам. С рельефно исполненными картами области и страны, на которых мерцали рубиновыми огоньками топографические точки, обозначающие месторождения нефти, разрабатываемые компанией.

Посетитель мгновенно терялся в этом кабинете вроде мухи, влетевшей невзначай в городскую квартиру.

Восседавший за таким же гигантским столом, как и вся обстановка этого кабинета, Шишмарёв, напомнил Барановской тряпичную куклу-Петрушку, которую ловкий кукловод одел на руку, и высовывает выше пояса из-за ширмы, показывая зрителям ярмарочного балагана.

Однако в этой ситуации с нефтяным магнатом приходилось считаться, и Надежда Игоревна почтительно замерла в отдалении, приняла позу покорности, ожидая, когда хозяин кабинета изволит обратить на неё внимание.

А тот, будто не замечая, визитёрши, увлечённо всматривался в дисплей гаджета, листая страницы электронного изображения, всякий раз поплёвывая на указательный палец.

Наконец Шишмарёв поднял голову и остановил на Барановской свой взор. Бросил, холодно, не здороваясь:

– Ну, что там у вас?

– Руслан Антонович! – приниженно, с ноткой покаяния всхлипнула Надежда Игоревна, – Пришла повиниться. Хотите, на колени перед вами встану?

Шишмарёв, гад этакий, промолчал насуплено, будто и впрямь ожидал, что вице-губернатор бухнется перед ним на колени.

Барановская осталась стоять, и даже сделала шаг вперёд, ближе к столу нефтяного магната, выставив перед собой руки ладонями вверх, что в психологии жестов означало дружелюбие, открытость и искренность.

– Произошла нелепая, чудовищная техническая ошибка! – заворковала она, стараясь, чтобы интонация её голоса звучала умиротворённо и успокаивающе. – Допустивший её чиновник был уволен немедленно.

– Ничего себе ошибочка! – опять обратившись к гаджету, рыкнул Шишмарёв, листая страницы яростно и ожесточённо плюя на палец. – Перед всей областью опозорили! Вон, в Интернете, сколько об этом пишут. Издеваются!

Надежда Игоревна заворковала, загулила с ещё большей страстью.

– Господи! В Интернете! Да о чём там только не пишут! Да и кто? Блогеры разные, хомячки фейсбучные, которых никто не читает. Зато наши, государственные СМИ осветили всё как положено. Ваш юбилей превратился, не побоюсь этого сравнения, во всенародный праздник для области! Во всех газетах с государственным участием, включая районки – статьи на разворот о вашей персоне, с описанием биографии, славного жизненного пути. По всем телеканалам – не просто сюжеты, а целые фильмы, посвящённые вам, Руслан Антонович! А вы – интернетные пасквили... Честное слово, даже обидно!

Видимо, вспомнив о том, сколь изобильно и впрямь был представлен он в областных СМИ на минувшей неделе, Шишмарёв хмыкнул самодовольно, смягчаясь. Отложил, наконец,

дурацкий гаджет, на дисплее которого Барановская успела заметить изображение какой-то пышногрудой красотки без нижнего белья. Глянул на гостью благосклоннее, наверняка сравнивая её с тем, что видел только что на экране, вздохнул умиротворённое, указал на великанское кресло у приставного стола.

– Ладно. Проехали. Присаживайтесь... Так с чем пожаловали, Надежда Игоревна?

Та села, сложив аккуратно, будто первоклассница на парте, перед собой холёные руки. Начала велеречиво, издали, не на мгновение, впрочем, не забывая о заветном чемоданчике, который, ещё неизвестно, соизволит ли предложить этот старый хрен по окончании визита. И прокручивая в голове, как ему ненавязчиво о том напомнить.

– Дорогой и глубокоуважаемый Руслан Антонович! Всё ближе и ближе к нам тот судьбоносный для всех южноуральцев час, когда новое нефтеносное месторождение вступит в строй, и начнёт... э-э... фонтанировать... э-э... дополнительными финансовыми поступлениями в бюджеты всех уровней. Недра нашей Южно-Уральской области богаты природными ресурсами. Однако наш губернатор Александр Борисович Курганов, мы, его команда, всегда считали, и продолжаем считать, что главным богатством нашего края... э-э... являются люди, его населяющие... И наши приоритеты...

Шишмарёв с досадой поморщился.

– Бла-бла-бла... Ты мне, Надежда Игоревна, мозг здесь не засе... не засоряй! Не на трибуне. Давай ближе к делу, короче!

Барановская, не сморгнув, продолжила вкрадчиво.

– К сожалению, существует небольшая, но довольно крикливая группа представителей общественности, которая выступает категорически против добычи нефти в Заповедном бору. Считая, что тем самым реликтовому лесному массиву будет нанесён непоправимый ущерб.

– Так заткните им рты! – ошетинился Шишмарёв.

– Заткнули уже, – вздохнула Барановская. – На нашей с вами стороне практически все областные СМИ, наиболее социально ответственные, вменяемые депутаты всех уровней, представители общественных организаций...

– Ну да, – не без ехидства поддакнул нефтяник. – Денег вы с меня на затыкание этих ртов изрядно повытянули. У ваших представителей общественных организаций глотки бездонные. Одни только пресс-туры борзописцев, журналист, на наши образцово-показательные нефтепромыслы в Сибири чего стоили! Авиаперелёты, размещение, водка рекой...

Барановская удручённо кивнула.

– Увы, кое-кого нам до сих пор на свою сторону так и не удалось перетянуть. Некоторых депутатов от оппозиции, «зелёных»...

– Я про этих иностранных агентов слышать уже не могу! – грохнул по столу кулаком Шишмарёв. – Арестовать бы их всех, как врагов народа, к чёртовой матери!

Надежда Игоревна закатила глаза, демонстрируя терпение и смирение.

И этот туда же! Сталинист недоделанный. Как будто бы Сталин, ставя к стенке беспощадно разных там иностранных агентов, позволил бы своим, доморощенным, воровать без счёта, брать взятки, бездельничать и ханыжничать! Но, не сказав, конечно же, этого, она вздохнула смиренно:

– К сожалению, пока невозможно. Но значит ли это, что мы с вами, Руслан Антонович, друзья народа, должны сидеть, сложа руки, не отвечая на злые нападки и вылазки вражеских элементов?

– Ну-ну? – глянул на неё вопросительно Шишмарёв.

– Нужен, я бы сказала, заключительный аккорд, который перекроет все голоса недоброжелателей. Превратит начало добычи нефти в бору в поистине всенародный праздник!

– Сколько? – прервал её нефтяной магнат.

– Э-э... в каком смысле?

– В смысле денег! – скривился, как делал всякий раз, неся непредвиденные расходы, Шишмарёв.

– У меня всё подсчитано, – торопливо заверила Надежда Игоревна. – Смету, мы вам пришлём. Два заключительных мероприятия. Одно – научно-практическая конференция на тему... э-э... что-нибудь вроде: «Добыча нефти – новая веха в истории Заповедного бора». И второе – предусмотренное в день, когда в заповедный лесной массив войдёт ваша... э-э... нефтедобывающая техника. Областной культурно-этнографический фестиваль «Чая и мёда»! С участием губернатора, между прочим. Место проведения – село Колобродово Зеленоборского района. Правда, здорово придумано?! – не удержавшись, напросилась на похвалу Барановская. – Представляете? Лето, цветочки, бабочки... то есть пчёлки, ну, которые мёд собирают, по травке летают. Народные ансамбли песни и пляски. Казачки какие-нибудь с этими, как их... саблями по сцене, установленной на поляне, в лесу, прыгают! А народ вокруг смотрит, чай с медком попивает... Красота! А перед тем – небольшой импровизированный митинг по поводу открытия... э-э... новой страницы в истории Заповедного бора. Выступит губернатор, вы, глава района. Откроете, как это у вас называется?... Нефтяную вышку. С перерезыванием ленточки. И потом – массовые народные гуляния. Здорово?!

– Ну-ну, – сдержанно покивал Шишмарёв.

Тут-то Надежда Игоревна и ввинтила ловко:

– Да, кстати, Руслан Антонович... Для организации этого неформального, не прописанного в областном бюджете мероприятия потребуются... э-э... некоторые расходы...

Шишмарёв покривился.

– Вам в приёмной кейс передадут. Я распорядился.

Барановская, тоже стреляный воробей, помня о судьбе федерального министра Улюкаева, заявила, прощаясь:

– Спасибо. Я за ним водителя сейчас подошлю...

Бережёного, как говорится, и бог бережёт!

8

Жаркий июльский день, слегка приглушенный под сенью вековых сосен, заботливо прикрывающих усадьбу от сторонних взглядов и прочих напастей, всё тянулся и тянулся, вымотав окончательно Дымокурова дальней дорогой, новыми впечатлениями и связанными с ними переживаниями.

Почивать в отведённой ему комнате, как и всё в доме, заставленной тяжёлой, чёрного лака антикварной мебелью с огромной кроватью в центре, было ещё решительно рано.

За окнами, зашторенными тяжёлыми портьерами и прозрачной тюлью, ещё догорал окрашенный в предзакатный багрянец вечер.

Глеб Сергеевич, поставив на крытый тёмно-зелёным сукном ломберный столик свой чемодан, расстегнул пряжки, замок-молнию, и принялся распаковывать вещи.

Ещё с давних лет, когда командировки, в основном в пределах области случались в его чиновничьей жизни частенько, он возил с собой один и тот же комплект. Синие тренировочные штаны с белыми лампасами, оранжевую майку-безрукавку со слегка растянутым воротом, многократно стираную и выцветшую по этой причине, но ещё вполне приличную. В зимнее время к сему прилагалась толстая шерстяная кофта – топили в районных гостиницах, как правило, из рук вон плохо. Пошарив на дне, под ворохом сменного белья – трусов, носок, чистых носовых платков, он извлёк из чемодана тапочки-шлёпанцы, уложенные в полиэтиленовый мешок.

Бритвенные принадлежности, флакон одеколona, упаковка таблеток, которые он принимал каждое утро против гипертонии, толстый том детективов Агаты Кристи, запасные очки – вот и весь нехитрый скарб, с коим пожаловал наследник в имение.

Облачившись в вольготную, лёгкую одежду, Глеб Сергеевич, потомившись несколько минут у окна, не слишком решительно покинул спальную.

Бродить по дому в одиночку ему показалось неприличным: здешние обитатели могут решить, что он в жадном нетерпении осматривает новые владения. А вот выйти летним вечерком во двор – вполне естественно для горожанина, истосковавшегося по природе, по чистому, настоящему на целебной хвое, лесному воздуху.

Отставной чиновник шагнул за порог, и, ориентируясь по памяти, прошёл длинным сумрачным коридором с несколькими выходящими в него и наглухо закрытыми сейчас дверьми, к угадывающейся по светлому пятну прихожей.

Никто из обитателей усадьбы ему в этот час не встретился. Дом был погружён в особую, глухую, гнетущую тишину, которая наступает порой только в таких вот, отдалённых от людской цивилизации, уединённых жилищах.

Тяжёлые двустворчатые входные двери были распахнуты настежь. Тонкая тюлевая занавеска, должно быть, от мух, колыхалась чуть заметно на ощутимом едва сквознячке. Там, на улице, гулял свежий ветерок, сменивший дневную жару, и шумевший сейчас удовлетворённо где-то в необозримой вышине верхушками реликтовых сосен.

Стараясь ступать неслышно, словно боясь вспугнуть сокровенную тишину сонного дома, Глеб Сергеевич прошёл на просторное каменное крыльцо, оглядел окружающее, подёрнутое дымкой тумана от остывающей земли, пространство.

Дом за его спиной – огромный, органично вписавшийся в окружающий ландшафт, будто выросший в незапамятные времена сам собой из этой вот песчаной почвы вместе с могучими, заматеревшими, незыблемыми в своём величии соснами, был безмолвен таинственно, не светясь в сумрак ни одним из окон.

Пространство перед домом, поросшее травкой, было пустынным и тихим. Лишь за границей огороженного штaketником участка, в густом, совсем непроглядном в ночном мраке подлеске, пощёлкивала залиvisto какая-то невидимка-пичуга.

«Господи! И это теперь всё моё!» – ощутил вдруг всю меру свалившегося на него невзначай счастья Глеб Сергеевич.

Когда-то, в ранней юности, он хотел стать писателем. Любил читать книги, и едва ли не с первого класса, научившись складывать буквы в слова, принялся сочинять истории, подражая сюжетам немногих прочитанных им к той поре детских книг. Сперва – устно, пересказывая затем одноклассникам, позже – излагая их на бумаге не устоявшимся почерком.

Так и не опубликовав ни одного своего первого литературного опыта, он после окончания школы подался на факультет журналистики. Эта профессия казалась ему наиболее близкой к писательскому ремеслу.

Однако жизнь сложилась совсем иначе, чем представлялось в далёкой юности.

Потогонная, словно на цеховом конвейере, работа в городской газете, когда, едва закончив один материал, приходилось хвататься за новый, не оставляла времени для лирических упражнений в стихах или прозе. Да и, положа руку на сердце, он быстро понял, что особыми литературными способностями от природы не наделён. Так зачем же мыкаться по редакциям и издательствам, прижимая к груди, пожелтевшие от времени рукописи – стопки машинописных листов с потрёпанными краями, навязываться в друзья старшим, более удачливым писателям, надеясь, что они снизойдут и до твоего творчества. Порекомендуют, признают...

Дымокуров насмотрелся на таких бедолаг, с изломанными судьбами, нищих, без семей, без профессии, всю жизнь проходивших в «начинающих». Которым публикация стишка или рассказика в коллективном сборнике казалась подарком судьбы, вершиной писательских достижений...

Пристраиваться в хвост этой длинной очереди неудачников, «непризнанных гениев», он не захотел. И когда его, молодого да раннего журналиста, пригласили на работу в идеологический отдел областного комитета КПСС, с радостью согласился. И вместо непредсказуемой, зыбкой писательской карьеры принялся выстраивать более надёжную, сытную – чиновничью.

До пресс-служб в те годы ещё не додумались, но должен же был кто-то, сопоставляя, перерабатывая многочисленные справки в монументальные доклады, готовить тексты выступлений перед трудящимися косноязычному, как правило, начальству, писать в газеты статьи по судьбоносным для области и страны вопросам экономики и общественной жизни за подписью партийного руководства.

Дымокуров со всем этим успешно справлялся. Звёзд с неба, облекая куцые мысли вождей в велеречивые откровения, как говорится, не хватал, но выстраивал на бумаге речь выступающих гладенько, хотя и суховато. При этом, что самое важное – идеологически выдержанно. Вставляя, где надо, знаковые, ключевые для текущего политического момента слова и фразы, вроде: «экономика должна быть экономной». А чуть позже – «хозрасчёт», «консенсус», «гласность» и «перестройка».

После известных событий августа 91-го он, побыв несколько дней, как и большинство партаппаратчиков, в некоторой растерянности, оказался, не покидая своего кабинета и письменного стола в штате новой структуры – администрации Южно-Уральской области.

И теперь готовил те же самые доклады и выступления уже для вполне демократически настроенного вновь назначенного центром губернатора. Только ключевые слова в текстах стали другими: «рынок», «приватизация», «общечеловеческие ценности»... Так дослужил он, ничего не меняя, по сути, в своей жизни до нынешних времён. Пересидел ещё двух губернаторов, ловко ввинчивая, где надо, в их выступления ключевые слова из обоймы новой терминологии: «властная вертикаль», «суверенная демократия», «духовные скрепы», «импортозамещение»...

Тем более, это было не трудно благодаря тому, что, по большому счёту, в идеологии власти ничего не менялось. На протяжении всех тридцати лет его чиновничьей карьеры и советские, и нынешние руководители области сетовали на «временные трудности в экономике»,

«сложную обстановку в мировой политике», нехватку бюджетных средств, тщательно замазывая собственные упущения и всячески раздувая малейшие достижения. Представляя через СМИ населению свою каждодневную, рутинную работу как цепь величайших свершений, судьбоносных прорывов и гениальных озарений в искусстве управления областью.

И Глеб Сергеевич весьма преуспел, помогая высокому начальству в этом. Он и думать себя приучил такими вот категориями, отчего подготовленные им доклады, выступления и газетные статьи звучали довольно искренне и правдиво. И вдруг – такой прокол, стоивший ему многолетней карьеры!

А теперь он не знал, что делать с обрушившейся на него свободой, дозволенным самому себе вольномыслием, с тридцатилетним опытом спичрайтерского труда, в обычной, реальной жизни абсолютно не востребованным и не применимым...

Может быть, вспомнив несмелые мечты молодости, за роман засесть? Написать что-нибудь этакое, эпохальное? Тем более, что и обстановка вокруг соответствующая сложилась. Уединённая жизнь на природе, первозданная, можно сказать. Имение, девственный лес вокруг. Поля окрест колосятся... Лев Толстой, или, к примеру, Тургенев, позавидовали бы...

Однако о чём писать? Реальной жизни, чьих-то судеб, пребывая уже в преклонных годах, Дымокуров немного наблюдал из окон Дома Советов. Да, положив руку на сердце, они его и не интересовали особо. А в его собственном, размеренном, устоявшемся существовании, если вспомнить, знаковых, годных для развёрнутого литературного произведения событий было раз-два, и обчёлся. Женился. Потом развёлся. Ну, начальство ещё каждые пять-десять лет, смотря по тому, кто возглавлял область, менялось. Да, ещё машина его однажды чуть не сбила на перекрёстке...

Прямо скажем, на эпохальный роман не тянет!

Глеб Сергеевич задрал голову, посмотрел на сгустившуюся синеву небес, где уже загорелись первые звёздочки, и решил, пока совсем не стемнело, обойти вокруг дома, глянуть, на то, что располагается на задах.

По белеющей зыбко, высланной тёсаным камнем дорожке, он решительно зашагал вдоль погружённого в мрачную темноту дома. Миновав торец здания, завернул за угол.

Здесь перед ним открылась хорошо освещённая выкатившейся, кстати, из-за тучек серебристой луной панорама просторного, соток пятьдесят, не меньше, заднего двора.

Слева тянулся до самого леса теряющийся в ночном мраке выгороженный плетнём огород. В центре двора чётко виднелся колодец – «журавль», уравновешенный парой ржавых автомобильных рессор, с подвешенным цинковым ведром, сияющим в лунном свете, застывшем недвижно на цепи, прихваченной кончиком «журавлиного» клюва.

А справа светился тускло желтоватыми окнами, будто там не лампочки, а свечи жгли, двухэтажный флигель, в котором, по словам нотариуса, и обитала дворня.

Ещё дальше угадывались геометрически ровными очертаниями на фоне чёрного леса хозяйственные постройки – сараи, сеновалы, амбары, и прочее, в чём отставной чиновник не очень хорошо разобрался.

Неожиданно дверь примыкавшего к флигелю высокого дощатого сарая распахнулась с треском, и оттуда шагнули в навалившийся вдруг ночной мрак две фигуры, озарённые сверху неживым, тусклым светом луны.

Дымокуров разглядел двух мужиков – крепких, высоких, с буйно всклокоченными белобрысыми вихрами на головах. Мужики, побряхтывая, тащили нечто, напоминающее гигантскую, в человеческий рост высотой, бочку. Судя по их сопенью и кряхтенью, невероятно тяжёлую.

Глеб Сергеевич, испугавшись будто чего-то, хотя, что ему могло грозить в родовом, можно сказать, имении, торопливо шагнул с дорожки в тень дома, прижался спиной к вековым, в два обхвата брёвнам стены.

Вслед за постанывавшими от непосильной ноши мужиками выскочила сгорбленная годами, но довольно шустрая старушка, обряженная, несмотря на летнюю теплынь, в тёмное, до пят платье, шерстяной платок, накинутый на костлявые плечи. Она опиралась на длинную, толстую палку с чилижным, должно быть, венником на верхнем конце.

– Ой-ёй-ёшеньки! – в голос причитала бабка, норовя изловчиться, и огреть метлой то одного, то другого мужика по согбённой спине. – Сил моих больше нет на этих обалдуев смотреть! Антигравитатор у них не контактит! Чтоб вас мухи навозные съели! Две тыщи лет контактил, летала ступка моя, как ласточка, а щас на тебе – контакта, вишь, нет! Дармоеды!

– Дык, – оправдывался один из носильщиков, – сами ж говорите – две тыщи лет, маманя! Алатырь-камень стёрся, пылью зарос. Я по нему давеча пусковым ключом чиркал, чиркал – так даже искры нет...

– Нечему там ломаться! – визгливо гнула своё бабка. – Это ж виман, вечная, можно сказать, вещь! Отечественная разработка. Не какой-нибудь импорт, вечный двигатель, перепетуй, язви его в душу, мобиле! Никаких тебе деталей и механизмов. Одни физические принципы! Вон, Горыныч, – не то, что вы, оба-двое, обалдуи, толковый мужик. Поскобил, ветошью, где надо, протёр, всё и заработало!

– Ничо вечного, мамань, не бывает. А ступка... Када по тебе в сорок втором годе из пушки зенитной влёт долбанули, она и забарахлила...

Глеб Сергеевич, вжимаясь в стену, с замиранием сердца вслушивался в этот лишённый всякого смысла, диалог.

Троица между тем, спотыкаясь неловко во тьме, направилась в сторону непроглядной чащи леса.

– Щас лётные испытания проведём, – басил примирительно кто-то из мужиков. – Воспарите, маманя, как на воздушях...

– На воздушях... – не угоманивалась старуха. – Пооговаривайся ишшо у меня! Ежели грохнусь с верхотуры, как давеча, я те по мусалам-то наподдам! Не допорола, видать в детстве. Ох, был бы папаня жив, Кашеюшка-то наш, он бы уму-разуму вас, недотыкомок, вмиг научил!

Выждав, когда странная троица, непрерывно бранясь, скрылась в ночи, отставной чиновник отлип, наконец, вспотевшей разом спиной от брёвен, вернулся на мощёную дорожку. Продолжать знакомство с усадьбой в столь поздний час ему решительно расхотелось. Кто знает, какие неожиданности ещё подстерегают его во мраке!

«Бредятина несусветная, – бормотал про себя Дымокуров. – Сумасшедшая прислуга. Бочки какие-то по ночам перетаскивают. Чем они тут вообще, вдали от глаз людских, занимаются? То ещё наследство досталось. С такой дворней нужно ухо держать востро»...

Осторожно ступая, он вернулся в дом, прикрыв за собою входную дверь, едва ли не на ощупь пробрался длинным коридором обратно в спальную. Плотные шторы на окнах были задёрнуты, не пропуская ни лучика лунного света.

Больно стукнувшись коленкой о какой-то острый угол, Глеб Сергеевич в кромешной тьме нашарил кровать. Откинул толстенное одеяло, разделся торопливо, кое-как разложив вещи на стуле. Ухнул с размаха в мягчайшую пуховую перину, провалился в неё с головой, как в омут, и мгновенно уснул.

9

Спал он плохо, беспокойно ворочаясь в жаркой постели, просыпаясь то и дело, маясь от привидевшихся кошмаров, от которых с пробуждением всякий раз оставались какие-то бессмысленные, жуткие обрывки воспоминаний.

В довершение ко всему с рассветом его остро приспичило по малой нужде. Прямо распирало всего.

Глеб Сергеевич никогда не мог понять, да и в реальной жизни не встречал, разве только в кино видел, людей, завтракавших, едва проснувшись, в постели. В обыденной жизни он и ему подобные после пробуждения сразу же, шаркая ногами нетвёрдо, брели в туалет, потом умывались под краном, смывая липкую сонливость с отёчных век, чистили зубы, брились, и лишь потом дело доходило до того, чтобы наскоро чем-то перекусить.

Вот и сейчас, окончательно проснувшись, он, вспомнив давешние наставления Еремея Горыныча, первым делом нашарил под кроватью ночной горшок.

Этот немудрёный, вышедший из обихода Глеба Сергеевича лет шестьдесят назад предмет изрядно его смутил.

Горшок был металлический, покрытый белоснежной эмалью, первозданно чистый.

Повертев в руках диковинную посудину, отставной чиновник открыл крышку, заглянул в нутро «ночной вазы», как изящно, вспомнилось ему, называли это пикантное приспособление в прежние, доканализационные времена.

На дне горшка был нарисован огромный, василькового цвета, довольно натуралистично с анатомической точки зрения изображённый, глаз. Который, немигаючи, с интересом будто бы, взирал на Дымокурова.

Это окончательно добило нового владельца поместья, не оценившего своеобразный фекальный юмор неведомых горшечных дел мастеров. Если канализации, тёплого туалета в доме за столько лет провести не удосужились, то наружный, то бишь, как его правильно – нужник, сортир? – должен существовать обязательно!

Глеб Сергеевич решительно задвинул горшок под кровать, и, торопливо натянув спортивное трико и футболку, нашарив ногами тапочки-шлёпанцы, промчавшись длинным безлюдным коридором, выскочил из дому.

Отхожее место, как ему представлялось, должно было располагаться где-нибудь на задах, в укромном закутке приусадебного участка.

По знакомой уже мощёной булыжником дорожке он шустро прошлёпал за угол дома.

Солнце ещё не поднялось из-за леса, над остывшей за ночь землёй клубился лёгкий туман. Невидимые стороннему глазу птицы пели в кустах, чирикали и щебетали восторженно, славя наступившее утро, на все голоса.

Отставной чиновник огляделся в поисках чего-то, похожего на будочку наружного туалета.

«Ну и порядочки в этой усадьбе! – возмущённо думал томимый малой нуждой наследник. – День уж наступил, а ни души не видать. Дрыхнут все, что ли?!»

Его внимание привлекла беседка, плотно затянутая разросшимся хмелем так, что не видно было, кто находился внутри. Однако голоса оттуда доносились громко, отчётливо.

Брезгливо ступая по мокрой от утренней росы траве, Дымокуров подошёл ближе. Наконец-то во всём доме ему встретился хоть кто-то, у кого можно что-то спросить...

Ещё не разглядев обитателей беседки, он уже понял, что разговаривают как минимум двое. Один басил с возмущением в голосе, другой вроде бы отвечал ему периодически мощным порывиванием.

– Ну, ты сам рассуди, Потапыч, – рокотал, негодуя, обладатель баса. – Им же дозволено только санитарные рубки вести, а они здоровый, строевой лес валят! У них все – и егеря, и полиция куплены.

– У-у-рг-х, – грозно поддакнул собеседник.

– Во-от... – пробасил рассказчик. – Так я на электроподстанции пошуровал, контакты поотрывал к чёртовой матери, и лесопилку-то обесточил!

– Р-р-агх! – одобрительно рявкнул приятель.

– А меня менты на обратном пути замели. С контактами-то этими спалили...

– У-у-мра-а... – сочувственно вздохнул второй участник диалога.

– Ну, мне-то не впервой, – беззаботно хохотнул бас. – Отмазался. Глаз им отвёл – плёвое дело! – И, помолчав, предложил. – Ну что, Потапыч, ещё по кружечке?

– Р-ра-уу! – взревел, обрадовавшись, его собутыльник, который, похоже, лыка уже не вязал, а только урчал что-то не членораздельное.

Забулькало явственно.

Глеб Сергеевич вплотную приблизился к беседке, осторожно, стараясь не шуметь, раздвинул густую поросль хмеля.

И обомлел в ужасе.

За установленным посреди беседки, из тёсаных досок сколоченным столом, восседал давешний, с поезда, лохматый мужик-лесовик. Он был обряжен всё в тот же пятнистый камуфляж, даже сапоги-бродни не снял. А напротив него расположился, привычно устроившись на скамье... огромный медведь! Натуральный, без всяких сомнений, зверь, о чём свидетельствовала и распространявшаяся вокруг него, шипающая в нос кислая, как от старых валенок, вонь, сырой грязной шерсти.

Двумя лапами медведь держал вместительную, литровую, не иначе, деревянную кружку. Его собутыльник – лесовик щедро лил в неё мутный, слегка пенящийся напиток из ведёрной лохани.

Плеснув и себе, мужик выпил, утёр пятернёй усы и бороду, а потом, пригорюнившись, затыкнул с блатным надрывом:

– Если мы работаем в лесу,
Колем, пилим ёлку и сосну.
Колем, пилим и строгаем,
Всех легавых проклинаям,
Ах, зачем нас мама родила...

В этот момент за спиной Дымокурова что-то грохнуло. Он отпрыгнул испуганно в сторону, спрятался за растущие поблизости колючие кусты малины. Дверь «чёрного хода» в усадьбу с треском распахнулась, и оттуда выскочила уже знакомая Глебу Сергеевичу кухарка – Мария, кажется. В руках она держала блестящую на солнце увесистую поварёшку.

Женщина в два шага оказалась в беседке.

– Ах вы, паразиты проклятые! – визгливо закричала она. – И когда ж вы этой брагой упьётесь до смерти!

Дремучий мужик поставил на стол лохань, принялся, оглаживая бороду, оправдываться конфузливо.

– Да мы, Мань, по чуть-чуть, с устатку-то...

– Ишь, манеру взял – с медведем пьянствовать! – наскакивала на него с поварёшкой Мария. – А ты, Потапыч, – замахнулась она на зверя, – ну-ка быстро пошёл вон отседова!

Медведь заревел обиженно, торопливо опрокинул деревянную кружку в пасть. Потом, рыгнув громко, на задних лапах, ощутимо покачиваясь, неуклюже вылез из-за стола.

– У-ух шас как дам! – в подтверждение своих слов женщина, не медля, огрела поварёшкой зверя по мощному загрявку.

Тот, недовольно урча, опустился на все четыре конечности, и закосолапил, пьяно повилявая толстым задом, в направлении к лесу.

– Всё, всё Еремею Горынычу расскажу! И как вы улыи у пчеловодов с пасек воруете, медовуху ставите, и как ты медведя спои!л!

– Да ладно те... – вяло отбрёхивался мужик.

– Иди шас же во флигель. Рожу отмой, переоденься, причешишь, што ли... Горыныч нас через два часа наследнику, хозяину новому, всех представлять будет.

– Па-а-думаешь! – с пьяной бесшабашностью отмахнулся мужик. – Насле-е-дник... Тоже мне, амператор нашёлся... Я амператоров-то почище его знавал. С Петром Ляксеечем вот так-то вот, бывалыча, за одним столом сиживал...

Ворча и огрызаясь, словно его собутыльник-медведь, лесовик угрюмо побрёл в сторону флигеля.

– Ох, Яша-Яша, – покачала головой ему вслед Мария. – Ишь, без Василисы Митрофановны-то как распоясался...

Через минуту, когда все участники утреннего спектакля покинули сцену, Глеб Сергеевич, никем не замеченный, выглянул из своего убежища.

Естественная надобность подпёрла его уже, как говорится, по самое не могу.

Воровато оглядевшись, и убедившись в отсутствии людей поблизости, пребывая в расрёпаных чувствах, так и не найдя туалета, отставной чиновник углубился в малинник.

С наслаждением облегчившись, он выбрался из колючих кустов на открытое пространство, и на всякий случай сделал вид, что с интересом обзрывает окрестности. А потом, подёрнув резинку спортивного трико, которое всё равно сползало с живота и пузырилось на коленях, расслабленной походкой праздно гуляющего, направился назад в дом.

Завернул за угол, и услышал сразу:

– Товарищ! Гражданин... э-э... наследник! Можно вас на минуточку?

Дымокуров огляделся испуганно, и увидел перед собой старичка, явно перешагнувшего семидесятилетний рубеж – тшедушного, низенького росточком. Ранний визитёр был обряжен, несмотря на летнюю теплынь, в синий шерстяной костюм старомодного покроя, с закрученными слегка уголками лацканов пиджака, рубашку в зелёную блеклую клеточку, с широким и длинным галстуком, какие и не носят теперь, ядовито-жёлтой расцветки, да изрядно поношенные, пыльные штиблеты чёрного цвета.

Со всем этим нарядом пенсионера-общественника дисгармонировала чужеродная бейсболка заокеанского образца красного цвета с вполне патриотичной, впрочем, надписью на околыше: «КПРФ».

«Типичный сельский интеллигент – из бывших. Главбух колхоза, директор местной школы, а то и бери выше – парторг на пенсии», – резюмировал свои наблюдения Глеб Сергеевич. За последнее предположение говорило и обращение визитёра, почти вышедшее нынче из обихода – «товарищ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.